

ЧЕРНИГОВСКІЯ
ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ЧАСТЬ ОФИЦІАЛЬНАЯ.

Выходятъ два раза въ
мѣсяцѣ.

Годовая цѣна 4 р. 50 к.
съ пересылкою.

№ 10.

Подписка принимается
въ редакціи „Черниговскихъ
Епархіальныхъ Извѣстій“, въ
зданіи Черниговской Духов-
ной Семинаріи.

15 Мая (годъ XXIV). **1884 года.**

Содержаніе: I. Высочайшій Манифестъ.— II. Распоряженія Высшаго Правительства.—
III. Распоряженія Епархіальнаго Начальства.— IV. Разныя извѣстія.—
V. Объявленіе.

I. ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, АЛЕКСАНДРЪ ТРЕТІИ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІИ,

ЦАРЬ ПОЛЬСКІИ, ВЕЛИКІИ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІИ,

И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ:

Любезнѣйшій Сынъ Нашъ и Наслѣдникъ Россійскаго
Престола, Цесаревичъ Николай Александровичъ, въ

нынѣшній день, по милости Божіей, достигъ возраста совершенныхъ лѣтъ, Основными законами установленнаго.

Нынѣ же, по совершеніи благодарственнаго Господу Богу молебствія, Его Императорское Высочество, во исполненіе закона, принесъ въ присутствіи Нашемъ, установленную присягу на вѣрное служеніе Намъ и Отечеству.

Благоговѣя предъ Промысломъ Всевышняго о судьбахъ Царя и Царства, возвѣщаемъ о семъ радостномъ событіи всемъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ. Уповая на милость Божію, вѣримъ, что услышана будетъ всеобщая усердная молитва: да утвердитъ Господь юную душу Первенца и Наслѣдника Нашего въ святыхъ объѣтахъ великаго служенія, волею Божіею Ему предназначеннаго; да водворитъ въ сердцѣ Его и разумъ правду Свою и мудрость, и да осѣнитъ Его благодать Божія, просвѣщающая и укрѣпляющая на всякое благое намѣреніе и правое дѣло.

Данъ въ С.-Петербургѣ, въ 6-й день мая, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ восемьдесятъ четвертое, Царствованія же Нашего въ четвертое.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„АЛЕКСАНДРЪ“

II. РАСПОРЯЖЕНІЯ ВЫСШАГО ПРАВИТЕЛЬСТВА.

Указъ Его Императорскаго Величества, Самодержца Всероссійскаго, изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода, о совершеніи молебствія, по случаю вступленія въ совершеннолѣтіе Его Императорскаго Высочества, Государя Наслѣдника Цесаревича, Великаго Князя Николая Александровича.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшей Правительствующей Синодъ, по случаю вступленія 6 наступающаго Мая въ совершеннолѣтіе Его Императорскаго Высочества, Государя Наслѣдника Цесаревича, Великаго Князя Николая Александровича, имѣли сужденіе о совершеніи по столь радостному для всѣхъ подданныхъ событію, во всѣхъ церквахъ Имперіи благодарственнаго Господу Богу молебствія. Приказали: Въ церквахъ обѣихъ столицъ 6 наступающаго Мая, по случаю всерадостнаго событія вступленія въ совершеннолѣтіе Его Императорскаго Высочества, Государя Наслѣдника Цесаревича, Великаго Князя Николая Александровича совершить благодарственное Господу Богу молебствіе по особо установленному для сего послѣдованію, съ цѣлдневнымъ колокольнымъ звономъ, а во всѣхъ прочихъ церквахъ Имперіи послѣ предварительнаго сношенія съ гражданскимъ начальствомъ, въ первый слѣдующій по полученіи сего указа праздничный или воскресный день благодарственное молебствіе, съ обыкновеннымъ колокольнымъ звономъ, причемъ въ кафедральныхъ

соборахъ совершить таковое самимъ Преосвященнымъ Архіереямъ, а въ городскихъ соборахъ и монастыряхъ настоятелямъ соборнѣ, о чемъ и предписать всемъ Преосвященнымъ Епархіальнымъ Архіереямъ, Московской и Грузино-Имеретинской Святѣйшаго Синода Конторамъ, Управляющему гвардейскимъ духовенствомъ и настоятелямъ лавръ и ставропитіальныхъ монастырей указами, съ приложеніемъ при указахъ Преосвященнымъ Митрополитамъ Новгородскому и С.-Петербургскому и Московскому потребнаго количества экземпляровъ особо установленнаго на сей случай молебнаго послѣдованія. Апрѣля 27 дня 1884 года.

Списокъ духовнымъ лицамъ, коимъ за службу по епархіальному вѣдомству, въ 7-й день Апрѣля 1884 года, Всемилостивѣйше удостоены знаки отличія, Высочайше жалуемыхъ

По Черниговской епархіи — *ордена св. Анны 2-й степени*: Черниговскаго Спасопреображенскаго кафедральнаго собора протоіерей Григорій *Діаконовъ*; *Ордена св. Анны 3-й степени*: города Сосницы Воскресенской церкви протоіерей Михаилъ *Діаконовъ*; Черниговскаго кафедральнаго собора священникъ Трифонъ *Стефановскій* и города Нѣжина, Пантелеймоново-Васильевской церкви священникъ Павелъ *Падалко*.

**Вѣдомость о суммахъ ассигнованныхъ отъ Св. Синода
къ отпуску изъ казны на штатное содержаніе по Чер-
ниговской епархіи на 1884 г.**

Наименованіе расходовъ.	Назначено на 1884 годъ.		Сроки выда- чи.
	Сумма.	Руб. К.	
<i>По Черниговской епархіи.</i>			
§ 3.			Жалованье по проше- стви мѣся- ца, а сто- ловня впе- редъ за мѣ- сяцъ (ст. 581 и 582, III г.)
1. Содержаніе духовной конси- сторіи	11020	—	
Итого по § 3	11020	—	
§ 4.			Въ началѣ каждаго погугодья.
1. Содержаніе Архіерейскаго Дома и Кафедральнаго собора, въ томъ числѣ:			
Содержаніе Епархіальнаго Пре- освященнаго	1500	—	
Собора, Архіерейскаго штата и зданій Архіерейскаго дома	6351	—	
Итого по § 4	7851	—	
§ 5.			Въ началѣ
2. Содержаніе мужскихъ мона- стырей:			
Черниговскаго Успенскаго Елец- каго	1861	3	

Новгородсѣверскаго Преображенскаго	1861	3	ПОЛУГОДІА	
Покровскаго единовѣрческаго	2475	—		
Нѣжинскаго Благовѣщенскаго	1249	37		
Глуховскаго Петро-Павловскаго	1249	37		
Домницкаго Р.-Богородичнаго	963	57		
Козелецкаго Георгіевскаго	711	72		
Батуринскаго Николаевскаго	711	72		
Пустынно-Николаевскому Рыхловскому, пенсіи	142	83		
Новомглинскому, на содержаніе причта	19	96		
3. Женскихъ монастырей:				ВЪ НАЧАЛѢ КАЖДАГО ПОЛУГОДІА
Единовѣрческаго Максаковскаго Троицкаго	588	90		
Нѣжинскаго Введенскаго	346	95		
Каменскаго Успенскаго	380	95		
Гамалѣевскаго Р.-Богородичнаго	380	95		
4. Взамѣнъ слѣдующихъ по положенію отъ казны угодій монастырю:				
Максаковскому Троицкому дѣвичьему	142	83		
Итого по § 5		13086	18	
§ 6.				
1. Содержаніе городского и сельскаго духовенства	174353	88	По истеченіи полугодія.	
Итого по § 6		174353		88
§ 7.				
2. Постройки и починки				
Итого по § 7		—	—	

§ 9.		
1. Пособіе поворукоположеннымъ и перемѣщеннымъ священникамъ.	—	По мѣрѣ надобности
3. Прогонны и путевыя издержки.	400	—
Итого по § 9 . . .	400	—
А ВСЕГО	2067116	

III. РАСПОРЯЖЕНІЯ ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА.

Черниговская духовная Консисторія журнальнымъ опредѣленіемъ своимъ, 20 Апрѣля 1884 года Его Преосвященствомъ утвержденнымъ, постановила: въ виду поступленія къ епархіальному начальству отъ приходскихъ причтовъ, прихожанъ и церковныхъ попечительствъ въ большомъ количествѣ прошеній, о выдачѣ просительныхъ книгъ, для сбора добрыхотныхъ пожертвованій на самыя незначительныя церковныя починки и постройки, какъ напримѣръ подведеніе фундамента подъ церковь или на покраску крышъ и стѣнъ приходскаго храма и что чрезъ увеличеніе подобныхъ книгъ охлаждается благотворительность и сокращается сборъ, такъ: при повѣркѣ сихъ книгъ оказывается весьма малый сборъ отъ 100 до 250 руб. и рѣдко до 400 руб. по одной книгѣ, и въ виду указа Св. Правительствующаго Синода отъ 30 Сентября 1856 г. за № 9728 и послѣдующихъ за нимъ распоряженій, которыми выдача просительныхъ книгъ дозволяется

только на истинныя и существенныя нужды церквей въ бѣдныхъ приходахъ, — предписать благочиннымъ церквей Черниговской епархіи объявить подвѣдомственнымъ имъ приходскимъ причтамъ, прихожанамъ и церковно-приходскимъ попечительствамъ, что поступающія отъ нихъ къ епархіальному начальству прошенія о выдачѣ просительныхъ книгъ, будутъ разсматриваться тѣ только изъ нихъ, на которыхъ мѣстные благочинные сдѣлаютъ засвидѣтельствованіе, удостоверяющее по мѣстнымъ обстоятельствамъ объ истинной и существенной нуждѣ въ удовлетвореніи оныхъ, а безъ этихъ засвидѣствованій просьбы будутъ оставляться безъ разсмотрѣнія; до чѣмъ къ должному и непремѣнному исполненію это распоряженіе припечатать въ Епархіальныхъ Извѣстіяхъ и для надлежащаго исполненія и руководства припечатать и самый указъ Св Синода, въ которомъ объяснены нужды на которыя только могутъ быть выдаваемы изъ Консисторіи просительныя книги.

Указъ Его Императорскаго Величества. Самодержца Всероссійскаго, изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода, Преосвященному Павлу Архіепископу Черниговскому и Пѣкинскому и Кавалеру, касательно выдачи изъ Консисторіи книгъ, для сбора добротныхъ подаяній.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ имѣлъ разсужденіе о распространенномъ до чрезмѣрности съ нѣкотораго времени обычаѣ собирать въ пользу монастырей и цер-

квей добровольныя приношенія посредствомъ выдаваемыхъ для сего епархіальными начальствами книгъ. Примѣры выгодныхъ сборовъ сего рода въ тѣ годы, когда оныя только начинали распространяться, возбуждали желаніе подобнаго легкаго пріобрѣтенія, и постепенно появлялись и умножались сборныя книги на несущественныя нужды церковныя, какъ-то: на украшеніе иконостаса, на построеніе колокольни, на слитіе колокола и проч. Отъ сего происходятъ слѣдующія неудобства и вредныя послѣдствія: 1) По причинѣ множества сборщиковъ, сборы становятся скуднѣе, слѣдственно и собирающіе на истинную нужду терпятъ ущербъ отъ множества собирающихъ на неважныя надобности; 2) Благотворители, обременяемые множествомъ просителей, нерѣдко представляющихъ только неважныя надобности, теряютъ къ нимъ довѣріе и охлаждѣваютъ къ благотворенію; 3) Посылаемые для сбора изъ монастырей, особенно изъ женскихъ, тяготеются долгимъ отлученіемъ отъ тихой жизни монастырской, а менѣе утвержденные въ добрыхъ правилахъ, среди молвы житейской, не безопасны бываютъ отъ искушеній; 4) Въ столицахъ, куда бываетъ особенно сильный приливъ сборщиковъ, множество монаховъ и послушниковъ, монахинь и послушницъ съ сборными книгами представляетъ неблагообразный видъ; 5) Сборщики для церквей входятъ въ сіе дѣло нерѣдко не по усердію, а изъ платы или доли сбора, и дають иногда причины подозрѣвать, что съ излишкомъ, и

слѣдственно святотатственно, пользуются отъ собраннаго для церкви. Посему Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: 1) Предписать епархіальнымъ Преосвященнымъ Архіереямъ, чтобы сборныя книги для церквей выдаваемы были только на истинныя и существенныя нужды церквей и особенно на построеніе или перестроеніе въ бѣдныхъ приходахъ такихъ церквей, безъ которыхъ православный народъ не былъ бы удовлетворенъ церковными Богослуженіями; 2) Если строится церковь въ приходѣ не малолюдномъ и не бѣдномъ; или если въ церкви, имѣющей потребное для Богослуженія устройство, желаютъ что либо устроить для преимущественнаго благолѣпія и великолѣпія; если вмѣсто невысокой колокольни желаютъ имѣть высокую, и большой колоколь вмѣсто меньшаго: предпріятія сего рода предоставлять прихожанамъ исполнять собственными средствами и съ содѣйствіемъ другихъ благотворителей, по усердію вписывающихъ свои приношенія въ обыкновенныя книги церквей отъ книги прихода; 3) Если же, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, относительно предпріятій означенныхъ въ предыдущемъ пунктѣ, окажется нужнымъ, (для большей очевидности дѣла и отчетности, дать сборную книгу: то давать оную съ тѣмъ, чтобы она была употреблена въ предѣлахъ прихода и въ окрестностяхъ, чтобы съ нею не ходили въ отдаленные города и селенія и не носили ее открыто по мѣстамъ многолюдства; 4) Сіи же правила примѣнить и къ монастырямъ, съ особен-

нымъ приспособленіемъ къ обстоятельствамъ ихъ. При томъ не бесполезно напоминать монашествующимъ, что древніе отцы удовлетворяли своимъ потребностямъ собственнымъ трудомъ и благотвореніями, не искомыми, а по устроению Провидѣнія Божія подаваемыми, нѣкоторые же и отъ приносимыхъ благотвореній уклонялись, и что не далѣе какъ въ первой четверти настоящаго столѣтія сборныхъ книгъ не видно было, а монастыри и монашествующіе не лишены были необходимаго; 5) Наблюдать, чтобы на одну церковь или монастырь, и на одну потребность, выдаваемо было не болѣе одной сборной книги. 0 семъ послать по всему духовному вѣдомству указы. Сентября 30 дня 1856 года.

Епархіальное начальство объявляетъ благодарность приходскому попечительству Покровской церкви села Рюхова, Стародубскаго уѣзда, за его заботливость по устройству дома для причетника; а прихожанамъ Успенской церкви села Уска, Глуховскаго уѣзда, — за добрыя чувства, расположившія ихъ къ значительному пожертвованію на пользу приходскаго храма; приходскому же священнику Усковской Успенской церкви Петру Кучеровскому объявляется признательность епархіальнаго начальства за пастырскія наставленія, послужившія поводомъ къ такому пожертвованію со стороны его прихожанъ.

III. РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Господинъ оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода, отъ 15 Марта сего года за № 1203-мъ, увѣдомилъ Преосвященнаго Веніамина, Епископа Черниговскаго и Нѣжинскаго, что Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Его, согласно опредѣленію Святѣйшаго Синода, въ 10 день мѣсяца Марта Высочайше соизволили на укрѣпленіе за Покровскою церковію села Карпиловки, Остерскаго уѣзда, дома съ усадьбною землею, въ количествѣ 610 кв. саж. и службами, состоящаго въ упомянутомъ селѣ и покупаемаго въ собственность названной церкви у священника Теодора Норчевскаго за 1200 руб., съ отнесеніемъ этого расхода на счетъ пожертвованной прихожанами на сей предметъ суммы, а расхода по совершенію купчей крѣпости на счетъ церковныхъ суммъ.

За смертію священника церкви с. Дегтяровка, Мглинскаго уѣзда, Михаила Булгакова, священническое мѣсто въ с. Дегтяровѣ, съ 27 Марта сего 1884 г., вакантно; въ приходѣ этомъ душъ муж. пола—1020, земли 36 дес., дома нѣтъ.

— За перемѣщеніемъ священника с. Бѣльмачевки, Борзенскаго уѣзда, Іоанна Бугославскаго въ с. Подолшки, Глуховскаго уѣзда, священническое мѣсто въ с. Бѣльмачевѣ вакантно, съ 27 прошлаго Апрѣля;

въ приходѣ этомъ мужес. пола 701, земли 36 дес.
домъ общественный.

— 28 Апрѣля, на священническое мѣсто къ церкви
с. Колпиты, Черниговскаго уѣзда, опредѣленъ свя-
щенникъ Іоаннъ Неароновъ.

— 20 Апрѣля, священническое мѣсто при церкви
с. Буровки, Городницкаго уѣзда, предоставлено окон-
чившему курсъ Черниговской духовной семинаріи
Якову Сочавѣ.

— За смертію священника Михайловской церкви
г. Стародуба Трофима Тернавскаго, священническое
мѣсто при этой церкви, съ 15 Апрѣля, вакантно;
прихожанъ здѣсь 394 души мужес. п., земли 19 дес.,
дома нѣтъ.

— 3 сего Мая, священникъ церкви села Козарь,
Бозелецкаго уѣзда, Іоаннъ Архангельскій, перемѣщенъ
къ Воскресенской церкви г. Сосницы, а въ село Ко-
зари перемѣщенъ свящ. Воскресенской церкви г. Борзны
Василій Бывалькевичъ; на мѣсто Бывалькевича къ
Воскресенской церкви г. Борзны перемѣщенъ свящ.
с. Смоляжи Борзенскаго уѣзда, Стефанъ Любовичъ;
въ приходѣ церкви с. Смоляжи душъ м. пола 616,
земли 32 дес., дома нѣтъ.

— На псаломщическое мѣсто къ Успенской церкви
г. Ковотопа, 23 Апрѣля, опредѣленъ сынъ причетника
Василій Кузубовъ.

— Исправляющій должность псаломщика Р.-Бого-

родичной г. Кролевца Михаилъ Малеча, 22 Апрѣля, рукоположенъ во діакона.

— 27 Апрѣля, и. д. псаломщиковъ Городницкаго уѣзда с. Жабичъ Петръ Пшеничный и с. Лемешовки Николай Оглоблинскій, перемѣнены одинъ на мѣсто другаго.

— 30 прошлаго Апрѣля, на псаломщическое мѣсто къ церкви с. Свияковъ, Нѣжинскаго уѣзда, опредѣленъ личный почетный гражданинъ Евфимъ Мозоловскій.

— 15 прошлаго Апрѣля, и. д. псаломщика церкви с. Бабровицы, Черниговскаго уѣзда, Георгій Половецкій, рукоположенъ во діакона къ своей церкви.

— Исправляющіе должность псаломщиковъ Городницкаго уѣзда, села Пушкарей Маркъ Базилевичъ и с. Черняховки, Нѣжинскаго уѣзда, Петръ Бабуревичъ, 27 прошлаго Апрѣля, перемѣнены одинъ на мѣсто другаго.

— На псаломщическое мѣсто къ церкви с. Городечни, Суражскаго уѣзда, 26 Апрѣля, опредѣленъ сынъ причетника Петръ Барзиловичъ.

Въ прежде открытыя попечительства избраны, на три года, при церквяхъ: 1) Рождественской города Борзны, предсѣдателемъ—Мѣщанинъ Павелъ Осиповъ Сенизь; а членами: губернской секретарь Захарій Гавриловъ Кордѣка, губернской секретарь Иванъ Емельяновъ Соломка, Петръ Федоровъ Котляръ, Михаилъ Алексѣевъ Головань; мѣщане: Павелъ Семеновъ Ми-

найло, Ѳедоръ Михайловъ Миняило, Абакій Андреевъ Горбачъ, Прокофій Михайловъ Головань, Семень Степановъ Бблоусъ, Андрей Романовъ Горбачъ, Михаилъ Андреевъ Стохарскій и Михаилъ Ивановъ СЪрый.

2) Рождество-Богородичной села Дивовки, Мглинскаго уѣзда, предсѣдателемъ—надворный совѣтникъ Николай Борщовъ; а членами—дворяне: Ѳедоръ Зубрицкій, Акимъ Зубрицкій и Трофимъ Зубрицкій; козаки: Акимъ Грибахъ и Савелій Сѣтуновъ; крестьяне: Егоръ Гончаровъ, Петръ Матвѣенко и Иванъ Иванюшкинъ.

3) Успенской села Крапивны, Конотопскаго уѣзда, предсѣдателемъ—Казенный крестьянинъ Афанасій Григорьевъ Приходько; а членами—крестьяне собственники: Федоръ Симеоновъ Дорошенко, Симеонъ Гордѣевъ Мамотовъ, Павелъ Саввинъ Медвѣдъ, Ѳедоръ Пантелеймоновъ Ткаченко, и Федоръ Максимовъ Ключникъ; мѣщанинъ Варлаамъ Диденко и солдатъ Архипъ Даниловъ Мехъ, 4) Георгіевской села Пустогорода, Глуховскаго уѣзда, предсѣдателемъ—Поручикъ Николай Ивановъ Рахмановъ избранъ, на четыре года, на мѣсто уволеннаго предсѣдателя козака Игнатія Родителява.

Получены въ консисторіи деньги: а) на выписку пробѣльныхъ листовъ,—отъ благочинныхъ: Щемелинова 63 р., Вербицкаго 69 р. 73 к., Левицкаго 66 р. 35 к., Кисилевича 64 р. 20 к., Виницкаго 66 р. 67 к. и Релицкаго 27 р., б) въ пользу гроба Господня,—

отъ благочинныхъ: Свяцкаго 60 к., Вербичкаго 4 р. 46 к., Виницкаго 1 р. 20 к., Киселевича 1 р. 48 к., Бучинскаго 2 р. 55 к., и Бакуревича 7 р. 44 к., в) на Кавказъ--отъ благочинныхъ: Рѣлицкаго 3 р., Обуховскаго 1 р. 87 к., Свяцкаго 3 р. 52 к., Николаевскаго 5 р. 9 к., Матвѣенкова 9 р. 65 к., Крещановскаго 3 р. 81 к., Карпинскаго 2 р. 41 к., Гурскаго 9 р. 62 к., Ладухина 2 р. 10 к., Исаенка, 11 р. 24 к., Виницкаго 3 р. 52 к., Киселевича 3 р. 58 к., Бучинскаго 5 р. 17 к., и Бакуревича 3 р. 94 к., г) на выписку устава духовныхъ консисторій;—отъ благочинныхъ: Рѣлицкаго 4 р., Липскаго 7 р. 20 к., Русановича 5 р. 60 к., Обуховскаго 6 р. 40 к., Левицкаго 6 р. 80 к., Доброгаева 4 р., Карпинскаго 3 р. 60 к., Дмитревскаго 2 р. 80 к., Красовскаго 7 р. 20 к., Морачевскаго 7 р. 35 к., и настоятеля Глуховскаго монастыря іеромонаха Амфилохія 40 к., отъ благочинныхъ: Чудновскаго 6 р. 45 к., Лявлинскаго 2 р. 8 к., Флерова 4 р., Николаевскаго 7 р. 60 к., Шемелинова 8 р., Борзаковскаго 8 р., Цыганова 5 р. 60 к., Васютинскаго 7 р. 20 к., Левитскаго 6 р., Рожалина 6 р. 40 к., и Лапчинскаго 6 р. 40 к., настоятеля Климовскаго монастыря архимандрита Пафнутія 1 р., и настоятеля Домницкаго монастыря игумена Иліодорія 81 к., г) на палестину—отъ благочинныхъ: Ладухина 1 р. 90 к., Обуховскаго 1 р. 61 к., Свяцкаго 2 р. 68 к., Николаевскаго 4 р. 12 к., Матвѣенкова 8 р. 55 к., Крещановскаго 2 р. 62 к., Карпинскаго

1 р. 51 к., Гурскаго 8 р. 53 к., Исаенка 8 р. 21 к.,
Виницкаго 3 р. 47 к., Киселевича 4 р. 27 к., Бучин-
скаго 7 р. 5 к., Бакуревича 4 р. 30 к., д) вѣнчико-
ваго дохода; отъ благочинныхъ — Пиневица 91 р. 91
к., Мироненка 133 р. 70 к., Киселевича 90 р. 17 к., Обу-
ховскаго 77 р. 15 к., Матвѣенкова 130 р. 62 к., Крещанов-
скаго 131 р. 59 к., Карпинскаго 60 р. 22 к., Гурскаго 142
р. 61 к., Ладухина 74 р. 13 к., Исаенко 120 р. 30 к.,
Вербицкаго 132 р. 40 к., Левицкаго 91 р. 44 к.,
Рялицкаго 62 р. 20 к., Пучковскаго 120 р. 30 к.,
Флерова 27 р. 84 к., Горбика 84 р. 56 к., Томашев-
скаго 60 р. 48 к., Дюмидова 170 р. 84 к., Вишне-
вскаго 93 р. 78 к., Шемелинова 100 р. 87 к., Морачев-
скаго 177 р. 35 к., Богословскаго 79 р. 64 к., Томашев-
скаго 59 р. 75 к., е) на западныя губерніи отъ благочин-
ныхъ: Виницкаго 3 р. 61 к., Киселевича 2 р. 65 к.,
Бучинскаго 4 р. 13 к., Бакуревича 2 р. 28 к.,
Пучковскаго 3 р. 20 к., Петра Томашевскаго 2 р. 15 к.,
Пиневица 8 р. 20 к., Стопановскаго 4 р. 70 к., Морачев-
скаго 5 р. 32 к., Шемелинова 1 р. 99 к., Чернявскаго 7 р.
49 к., Рознатовскаго 8 р. 5 к., Вишневскаго 2 р. 32 к.,
Дюмидова 5 р. 30 к., Томашевскаго 3 р. 76 к., Петра
Левицкаго 2 р. 81 к., и Горбика 1 р. 24 к.; ж) вѣн-
чиковаго за 1883 г. дохода — отъ благочинныхъ: Чуд-
новскаго 108 р. 63 к., и Скорины 147 р. 89 к.

По опредѣленію духовнаго попечительства, назна-
чены постоянныя пособія: 1) вдовѣ священника села

Пальчиковъ Евдокии Молчановской 8 руб. въ годъ, съ 1 Января 1884 года. 2) дѣтямъ умершаго священника м. Охрамѣвичъ Даріи, Григорію, Аеанасію, Павлу, Вѣрѣ и Василию Патруевымъ 30 руб. въ годъ, съ 1 Юля 1883 года 3) вдовѣ священника Людмилѣ Сочавиной и дѣтямъ ея: Вѣрѣ, Валентинѣ и Анастасіи 20 руб., съ 1 Января 1884 года. 4) вдовѣ священника Маріи Рогайло 10 р., съ 1 Января 1884 года.

В. ОБЪЯВЛЕНІЕ

отъ правленія Черниговскаго духовнаго училища.

12 Апрѣля сего 1884 года Его Преосвященству благоудно было пожертвовать въ Черниговское духовное училище три 5% билета Государственнаго Банка, по 100 руб. каждый, всего на сумму триста руб. (300 р.) съ тѣмъ, чтобы Проценты съ этого капитала были ежегодно выдаваемы одному изъ бѣднѣйшихъ воспитанниковъ училища. Въ случаѣ же особенной нужды, можетъ быть израсходованъ, съ разрѣшенія Его Преосвященства или Епархіальнаго Архіерея, и самый капиталъ, но только исключительно на воспособленіе бѣднѣйшимъ воспитанникамъ сего училища.

Правленіе училища, выразивъ Его Преосвященству истинно-глубочайшую свою благодарность за пожертвованіе, постановило, по журналу своему отъ 13 Апрѣля за № 43, напечатать объ этомъ въ мѣстныхъ Епархіальныхъ Извѣстіяхъ.

Редакторъ, Протоіерей **І. ВУРИМОВЪ.**

Печ. довв.: Цензоръ, Каѳедраальный Протоіерей *Григорій Діаконовъ*, 14 Мая 1884 года. Черниговъ Губернская Типографія.

ПРИБАВЛЕНІЕ

къ

ЧЕРНИГОВСКИМЪ ЕПАРХІАЛЬНЫМЪ ИЗВѢСТІЯМЪ

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

къ № 10^{му}

15-го мая

(ГОДЪ XXIV).

1884 года.

Содержаніе: I. Слово въ день вступленія въ совершеннолѣтіе Государя Наслѣдника Всероссийскаго Престола Цесаревича и Великаго Князя Николая Александровича 6 Мая 1884 г.—II. Бесѣды воскреснаго Господа Иисуса Христа съ Марією Магдалиною.—III. Педагогъ древняго классическаго міра философъ Сократъ.—IV. Объявленіе.

I. Слово въ день вступленія въ совершеннолѣтіе Государя Наслѣдника Всероссийскаго Престола Цесаревича и Великаго Князя Николая Александровича 6 Мая 1884 г.*).

О святости любви къ отечеству, ея свойствахъ и проявленіяхъ.

Насталь день радости не только въ семьѣ Русскаго Царя, но торжество великой всероссійской семьи—русскаго народа. Нынѣ исполнилось совершеннолѣтіе Государя Наслѣдника Всероссийскаго Престола; отнынѣ

*) Говорено въ церкви Черниговской духовной семинаріи, предъ совершеніемъ молебствія.

начинается дѣятельное приготовленіе Его къ великому призванію. Возлюбленный Монархъ нашъ пріобрѣтаетъ самаго близкаго Себѣ споспѣшника въ Своемъ сынѣ— Первенцѣ, который теперь вступаетъ торжественно въ служеніе Царю и Отечеству. Любезное наше Отечество съ благою надеждою прозираетъ въ будущее, при мысли, что на престолъ Россіи вступить нѣкогда царь, дѣятельно приготовленный къ величайшему призванію своему, воспитанный *въ сознаниіи своего дома, въ духѣ правилъ Вѣры и Церкви православной, въ горячей, безкорыстной любви къ отечеству.*

Какъ естественно, среди этихъ свѣтлыхъ помысловъ о настоящемъ и будущемъ нашего отечества, радоваться, и радуясь благодарить Всевышняго, что Онъ хранилъ драгоценную для отечества жизнь Наслѣдника Всероссийскаго Престола и возростилъ Его тѣло и духъ въ мѣру его возраста, что Его Благодатію этотъ Царственный Отрокъ, какъ нѣкогда евангельское Отроча, ростяше и крѣпляшеся духомъ, преуспѣвая въ премудрости и возрастѣ и въ любви у Бога и чловѣковъ! Благодаря за эту милость Божію, какъ не молить Всеблагаго, да хранитъ Своимъ Промысломъ и на будущее время надежду нашего отечества и довершитъ Своею Благодатію дальнѣйшее преуспѣяніе Царева Наслѣдника къ царственному управленію обширнѣйшею въ міръ державой и да озаритъ Его разумъ мудростію, украситъ сердце—добродѣтелями, и будетъ испол-

нитъ мужества и силы къ поднятю великаго и тяжкаго бремени, Ею ожидающая!

Но торжество христіански-общественное не должно быть только празднественнымъ, но и поучительнымъ для торжествующихъ и празднующихъ. И не поучительно ли для всѣхъ въ высокой степени, что Первенецъ Царевъ, воспитанный, какъ сказано, въ строгомъ слѣдованіи духу Вѣры и Церкви православной, въ горячей любви къ отечеству, въ знаніи духа, потребностей и истиннаго блага Русскаго народа, послѣ всего этого, какъ одинъ изъ простыхъ сыновъ народа и подданныхъ его Государя, нынѣ торжественно приноситъ присягу на служеніе и вѣрность Царю и отечеству. Будущій властелинъ Россіи клятвенно предъ Богомъ, животворящимъ крестомъ и евангеліемъ обязуется служить вѣрою и правдою отечеству; при мысли и видѣ сего, не возвышается ли для насъ священное значеніе отечества нашего—Россіи, Русскаго народа? Вотъ поучительная мысль, между прочимъ, внушаемая настоящимъ Царственнымъ и народнымъ торжествомъ; мысль о святости и нравственной обязательности любви къ отечеству, преданности духу и благу народному.

Да, отечество, родина, конечно, не въ смыслъ только мѣста рожденія, клочка на земномъ шарѣ, какихъ бы размѣровъ онъ ни былъ, но въ смыслъ всего—*роднаго по духу, народнаго духа*, объемлющаго и проникающаго всякое отдѣльное лицо, принадлежащее къ народу, какъ часть

къ живому цѣлому,—отечество священнаго всего для человека, послѣ Бога и человечества. Ибо оно и есть на землѣ для человека *откровение Божіа Провиднаго о человечествѣ*. И современное знаніе утверждаетъ, что каждая народность, какъ живой организмъ, съ ея коренными основами общественности, съ ея самобытнымъ языкомъ, особенно же съ ея религіознымъ складомъ и духомъ вѣрованія, съ ея конечнымъ предназначеніемъ и судьбою, не есть созданіе сознательнаго произвола отдѣльныхъ лицъ, но дѣло самой природы т. е. чтобы придать разумный смыслъ этому слову, *дѣло міродержавной и народо-правлящей воли Божіей*. Отмѣченное же свящ. книгою *бытія* *человѣка* *раздѣленіе языковъ* (*народовъ*), *ихъ разсыпаніе* (*разселеніе*), какъ непосредственное дѣло *Божіа Провиднаго*, и исторія избранія, образованія народности древняго Израиля—въ средѣ другихъ—для высшаго просвѣтительнаго служенія въ человечествѣ даетъ полное основаніе заключать, что и всякая народность въ планахъ Божественнаго міра правленія имѣетъ свое особое *призваніе и избраніе*. Эту высокую и глубокую истину (идею) о Божественномъ народоназначеніи свят. учитель народовъ (апостольскій языковъ) вразумительно высказалъ въ своей много знаменательной рѣчи предъ аѳинскимъ ареопагомъ: „Богъ, говоритъ св. Павелъ, *Богъ сотворившій міръ и все, что въ немъ*, отъ одной крови произвелъ весь родъ человѣческій для обитанія по всему лицу земли, назначивъ *предопредѣленные времена и предѣлы обитанію*

ихъ, дабы они искали Бога, не ощущая ли Его и не найдутъ ли Его. (Дѣян. XVII, 24—27).

Поэтому, всякая народность въ своемъ образованіи и предназначеніи есть дѣло Божія Провидѣнія; въ различныхъ народныхъ, такъ сказать, *личностяхъ* (типахъ) воплощается или осуществляется особенная мысль и цѣль (идея) Божія міроуправленія. И такъ, чувство любви и преданности къ отечеству, то чувство беззаветной любви къ родинѣ, которое называется патриотизмомъ, есть поистинѣ самый *святой долгъ* каждаго сына отечества, можно сказать, *религіозно-правственная* обязанность каждаго члена народа. Вотъ почему св. исторія изображаетъ и ставитъ на ряду съ высокими дѣлами вѣры — великіе подвиги патриотизма, смотря на нихъ какъ на равное *дѣло служенія Богу*. Вотъ почему самоотверженная преданность и святой пламень любви къ народу, отечеству, племени, какъ и высшее религіозное настроеніе возвышали нѣкоторыхъ, самыхъ великихъ служителей Божіихъ, до такого самоотверженія, что они готовы были не только жертвовать своею жизнью, но и самою къ нимъ милостію Божіей, лишь бы снискать этою жертвою благоволеніе Божіе къ своему народу. Великій законодатель и вождь израилевъ, Моисей, молитъ Іегову, *пусть изладитъ его имя изъ книги жизни, только не лишитъ Своего благоволенія народа Своего.* „Истину говорю, не мнѣ, какъ свидѣтельствуешь соопѣсть моя въ Духъ Святомъ, что великая для меня печаль и непрестанное мученіе сердцу моему:“

я желалъ бы самъ быть отлученнымъ отъ Христа за братьевъ моихъ родныхъ мнѣ по плоти т. е. Израиля". (Рим. IX, 1—3) Вотъ какими огненными словами выражаетъ другой великій израильтянинъ апостолъ Христовъ въ языкахъ (въ народахъ) свое пламенное патріотическое чувство. И даже Онъ — чаяніе всѣхъ народовъ — Спаситель пришелъ возвѣстити евангеліе спасенія — *первымъ* своимъ единоплеменникамъ, пришелъ къ овцамъ дома Израилева, и когда они не приняли и возненавидѣли Его, Онъ скорбѣлъ только и плакалъ, предвидя за сіе грядущіе дни наказанія Его единоплеменниковъ: *Иерусалиме! Иерусалиме!* восклицалъ Онъ въ о чувствѣ глубокой скорбной любви къ нимъ, сколько разъ хотѣлъ я собрать чада твоихъ, какъ птица собираетъ птенцовъ своихъ подъ крылья! Но вы не захотѣли... (Лукъ XIII, 34; XIX, 43—45)

Представляя эти Божественно-высокіе примѣры любви къ отечеству, мы не думаемъ этимъ сказать, что любовь къ отечеству есть такой подвигъ, до выполненія котораго могутъ возвышаться только одни избранные сыны народа. Любовь къ родинѣ такая же естественная привязанность, какъ любовь къ родной семьѣ. Самое слово *народъ* прекрасно выражаетъ, что это есть естественной выросшій, разросшійся *родъ* — *семья*. Народъ — это одна великая родная семья. Происхожденіе отъ одного корня, жизнь подъ одними условіями природы и общества, помимо даже нашего сознанія и воли, создаетъ сродство мыслей, чувствованій и расположеній, которое и отражается въ единствѣ общенароднаго языка, —

единство вѣрованій, нравовъ, быта, общность радостей и бѣдъ возбуждаетъ то *народное сочувствіе*, которое связываетъ членовъ одного племени, въ нерасторжимый союзъ, также естественный, какъ и союзъ семейный. Но въ чемъ состоитъ нашъ долгъ, налагаемый на насъ отечествомъ, Россіей. Въ томъ, чего требуетъ самая идея, и самый духъ Россіи и православной. Сознаніе и чувство этой народной идеи должно проникать нашу душу такъ, чтобы во всей нашей духовной личности воплощался истинно народный духъ. Наши образы мыслей и понятій, строй чувствованій и складъ расположеній должны запечатлѣваться печатью народности и опираться на истинныхъ основахъ народной жизни. Эти основы: *Вѣра — православіе*, какъ высшее духовно-просвѣтительное начало, безъ котораго немислима святая Русь, какъ живое тѣло, носящее въ себѣ Божественное начало христіанскаго общезитія; *— самодержавіе* Царское, какъ всеисторическое государственное существованіе Россіи; *— народный языкъ*, какъ сокровищница народной мысли и души русской, основныя земскія или бытовыя формы (міръ община), какъ воплощеніе народныхъ стремленій и потребностей. Разрывъ съ народомъ, разрывъ, который выражается въ пренебреженіи его исторіи, быта, языка, особенно его высшего *духовнаго* начала — *православія и государственнаго самодержавія*. — Есть измѣна отечеству! Для насъ должно быть священной, какъ ковчегъ завѣта нашей исторіи, все, въ чемъ выразилась истинная духовная жизнь народа.

остатки чтимой имъ святыни, памятники исторической его жизни, плоды его духовной и умственной дѣятельности. Для насъ должны быть особенно дороги имена и дѣла великихъ народныхъ дѣятелей, какъ: подвижники вѣры, истины, добра и правды. Уваженіе къ этимъ подвижникамъ блага народнаго, знакомство съ ихъ жизнію, сочувствіе ихъ благимъ стремленіямъ, равно какъ и уваженіе къ памятникамъ духовной жизни народа, въ которыхъ живетъ не умирающій духъ народный можетъ содѣйствовать усвоенію нами лучшихъ свойствъ народнаго духа и развивать въ насъ *народное самосознаніе*, на которомъ зиждется и утверждается просвѣщенная любовь къ отечеству. Возбуждать эту любовь должно наше воспитаніе— *въ духѣ Вѣры православной*; раскрывать народное самосознаніе— должна истинно воспитывающая *школа народная*,— неотдѣлимая отъ Церкви,— возбуждая въ воспитываемыхъ любовь къ отечеству вниманіемъ и искреннимъ уваженіемъ къ его исторіи, языку, быту, вѣрѣ—этимъ скрижалямъ народнаго духа, жизни, мудрости и славы. Иное воспитаніе даетъ людей, для которыхъ— *тамъ отечество, гдѣ нихъ особѣе хорошо*, или теще печальнѣе, *лишнихъ людей*, которыхъ, въ несчастію Россіи, такъ много было и есть, для которыхъ *нигдѣ нѣтъ своего отечества*. Воспитанная въ духѣ народномъ любовь къ родинѣ не есть любовь только *къ старинѣ*, но мудрая любовь для которой нѣтъ будущаго для народа безъ основъ въ прошедшемъ его. Это не та отвлеченная любовь,

по которой любятъ родину, отечество, русскаго человѣка, какъ то странно *вообще*. Народъ, какъ нѣчто живое, состоитъ изъ личностей, и потому любить народъ — значитъ любить его въ живыхъ людяхъ какъ, прошедшаго, такъ и настоящаго времени. Такая любовь живая не ограничивается пустыми и мечтательными чувствами, или бесплодными словами, но свидѣтельствуется трудами и подвигами для истиннаго блага отечества. Она дѣлаетъ близкими все истинныя нужды народа, ее радуютъ все дѣйствительныя успѣхи въ жизни и развитіи народа, ее глубоко печалятъ дѣйствительныя страданія и бѣды народа. Она не дѣлаетъ эгоистическаго различія между своею особою и чужими, но въ радостяхъ и страданіяхъ другихъ принимаетъ столько же дѣятельнаго участія, сколько въ своихъ собственныхъ. Проникнутый ею, признающій во всехъ соплеменникахъ братьевъ одной великой семьи долженъ конечно признать *своими* и радости, и надежды, и страданія и нужды этой семьи и такимъ образомъ усвоить себѣ всю душу и сердце цѣлаго народа, *все завѣты народные*.

Можно надѣяться, что это краткое слово о святости любви къ отечеству и изображеніе основъ, предмета, свойствъ и дѣйствій истинной любви къ народу на столько для васъ, воспитывающіяся дѣти и юныя братія наши, вразумительно — ясно, чтобы отличить истинно народное патріотическое чувство отъ того *народничества*, которое нынѣ стараются распространить

особенно въ юномъ, еще не зрѣломъ поколѣннн такъ называющіе себя *народники*, мнимые народолюбцы, ложные друзья народа, омраченные смысломъ, не признанные Богомъ радѣтели о благѣ народномъ. Подъ громкими фразами любви къ русскому народу, скорби народной они въ своихъ дѣйствіяхъ обнаруживаютъ нескрытое, явное отрицаніе всѣхъ истинныхъ основъ народнаго блага, ниспроверженіе его святая святыхъ — Вѣры и Церкви, противленіе его излюбленной богоустановленной Власти самодержавной, презрѣніе къ кореннымъ свойствамъ быта и нравовъ народныхъ, пренебреженіе къ великимъ трудамъ его тысячелѣтней исторіи, дерзкое пограніе святынь души народной и безмысленное глумленіе надъ всѣми лучшими заветными чаяніями его великихъ судебъ въ исторіи.

Отъ такихъ мнимыхъ въ своемъ самообольщеніи друзей, но на дѣлѣ — внутреннихъ враговъ народа, спаси насъ и наше отечество, Боже, какъ спасалъ Ты уже не одинъ разъ русский народъ — достояніе Твое — отъ явныхъ, злыхъ враговъ его въ трудныя години испытаній, которыя Твоимъ Промысломъ посылались Россіи для воспитанія и утвержденія русскаго народа въ его великомъ для человѣчества предназначеніи. Аминь.

Протоіерей Н. Маркоз.

II. Беседа воскресшаго Господа Исуса Христа съ Марією Магдалиною.

Оканчиваются дни, въ которые слухъ христіанъ оглашаемъ былъ въ церковныхъ пѣснопѣніяхъ радостною пѣснію воскресенія Господа: *Христосъ воскресъ!* Но нашла ли эта пѣсня отголосокъ для себя и въ сердцахъ христіанъ? Укрѣпилась ли празднованіемъ воскресенія Христова ихъ вѣра въ Воскресшаго, жизненнѣ ли стало ихъ общеніе съ Его жизнію, получило ли новую твердость и проникло ли глубже въ ихъ сознаніе христіанское ихъ исповѣданіе, возгорѣлась ли новымъ пламенемъ ихъ любовь къ своему Спасителю, и могутъ ли христіане съ вновь укрѣпленною вѣрою, съ обновленнымъ общеніемъ съ Господомъ, съ оживленными чувствами преданной Ему любви выступить послѣ праздника Воскресенія Христова на путь своей жизни, и на этомъ жизненномъ пути *поступать достойно званія, въ которое они призваны* (Ефес. гл. 4. I)? Если нѣтъ, если вѣра во Христа и любовь къ Нему остаются въ прежнемъ состояніи равнодушія и недѣятельности, если очень многіе христіане *носятъ только имя, будто живы, но они мертвы* (Апок. гл. 3, ст. I); то въ чемъ коренятся причины такого безотраднaго состоянія? Быть можетъ въ томъ, что очень многіе христіане никогда истинно и не искали Господа, а потому и не уразумѣли Его въ Его спасающей человѣка любви и не нашли Его? Если такъ, то такимъ вѣрующимъ во Христа Слово Божіе даетъ жизненный урокъ: *ищите, и найдете* (Матѳ. гл. 7, ст. 7). *Если възмыщете Меня въмз сердцемъ вашимъ, говоритъ Господь чрезъ пророка, то Я буду найденъ вами* (Иерем. гл. 29, ст. 13 и 14). Но блаженна душа того христіанина, которая ищетъ и нахо-

дичь Господа, и, нашедши, не может уже болѣе покинуть Его, но становится всецѣло преданною Ему въ живой, радостной вѣрѣ въ Него и въ усердномъ служеніи любви къ Нему, и которая нѣкогда, въ другой жизни, будетъ вѣчно поклоняться Ему и въ благодарной радости вѣчно жить въ блаженномъ общеніи съ нимъ. Во свидѣтельство этого вдумаемся въ одно повѣствованіе евангельское, которое говоритъ о первомъ явленіи Господа послѣ Его воскресенія.

Во время земной жизни Иисуса Христа, во Иудейской странѣ, въ городѣ лежавшемъ на берегу Галилейскаго озера, жила женщина по имени Марія, которая въ евангеліяхъ называется еще Магдалиною отъ имени города Магдалы, въ которомъ она жила. И эта женщина, какъ и всѣ люди, получила жизнь отъ Бога. И она украшена была образомъ и подобіемъ Бога живаго и просвѣщена была свѣтомъ истиннымъ, *который просвѣщаетъ всякаго человека, приходящаго въ миръ* (Ев. Іоан. гл. 1, ст. 9), свѣтомъ ума мыслящаго, сердца любящаго, и воли стремящейся къ добру. Охраняемая попеченіемъ Божиимъ она выросла и достигла зрѣлыхъ лѣтъ. Но при всѣхъ дарахъ Божіихъ, и въ человѣческой природѣ Маріи Магдалины, какъ и въ природѣ всѣхъ потомковъ Адама, *посыано было зерно злаго сѣмени грѣха, которое народило въ жизни ея много нечестія* (3 Езд. гл. 4, ст. 30). Съ возрастомъ жизни выросло въ ней это сѣмя грѣха въ великое дерево, *грѣхъ влекъ ее къ себѣ* (Быт. гл. 4, ст. 7) и *царствовалъ въ смертномъ тѣлѣ ея, такъ что она повиновалась ему въ похоть ея* (Римл. гл. 6, ст. 12); *страсти грѣховныя дѣйствовали въ членахъ ея, чтобы приносить плодъ смерти* (гл. 7, ст. 5). Живая сила грѣха увлекла Марію на путь порока. Такая жизнь, проведенная въ служеніи пороку и

постыднымъ страстямъ, не замедлила внести порчу во всю природу Маріи и причинить ей неисправимое человѣческими силами разстройство всѣхъ ея тѣлесныхъ и духовныхъ силъ. Марія Магдалина подверглась болѣзнямъ, которыя разрушили ея здоровье. Удрученная болѣзнями тѣла она въ душѣ своей носила неизлечимыя раны и тяжкія страданія. Въ такомъ состояніи она стала орудіемъ и владѣніемъ Ѳсвовъ. Семь Ѳсвовъ подчинили ея полной своей власти. — Ужасная смерть во времени и еще ужаснѣйшая въ вѣчности, — вотъ та участь, которая ожидала Марію Магдалину. Но любящій свое созданіе Богъ не *хочетъ смерти грѣшника, но* *хочетъ того, чтобы грѣшникъ обратился отъ пути своего и живъ былъ* (Иезек. гл. 33, ст. II). Этой волѣ Бога послушна была и Марія Магдалина, когда жизнь ея превратилась для нея въ одно непрерывное мученіе. Больная и измученная душею она узнала однажды, что по землѣ народа, въ которому и она принадлежала, ходитъ необыкновенный Учитель, который проповѣдуетъ свое новое ученіе людямъ, исцѣляетъ однимъ словомъ Своимъ всякую болѣзнь, и пріобрѣтаетъ Себѣ учениковъ. И вотъ она идетъ искать чуднаго въ словѣ и дѣлѣ Учителя, находитъ Его и въ Немъ пріобрѣтаетъ всемогущаго врача, который освобождаетъ ее отъ всѣхъ страданій ея тѣла и ея души.

У св. евангелиста Луки есть повѣствованіе о женѣ грѣшницѣ, которая помазала ноги Иисуса Христа муромъ. Св. Отцы церкви и повѣйшіе толкователи евангелій признаютъ, что эта жена грѣшница была именно Марія Магдалина. Если такъ, то мы имѣемъ въ самомъ евангеліи ясное изображеніе того духовнаго воскресенія, того чудснаго, спасительнаго, новаго рожденія въ жизнь, которыя совершились съ Марію

Магдалиною, когда она въ тяжкихъ страданіяхъ своего тѣла и своей души обратилась къ Божественному Врачу, имѣющему власть прощать грѣхи, исцѣлять болѣзни, воскрешать мертвыхъ по тѣлу и по духу и оживлять ихъ. Святой евангелистъ повѣствуетъ, что *никто изъ фарисеевъ просилъ Иисуса Христа вкусить съ нимъ пищу, и Христосъ, вошедъ въ домъ фарисея, возлежъ. И вотъ, женщина того города, которая была грѣшница, узнавши, что Онъ возлежитъ въ домъ фарисея, принесла алабастровый сосудъ съ мироу, и ставши позади у ногъ Его, и плача, начала обливать ноги его слезами, и отирать волосами головы своей, и цѣловала ноги Его и мазала мироу.* Въ этихъ немногихъ словахъ евангелиста начертанъ образъ глубоко-несчастливаго человѣка, въ душѣ и тѣлѣ котораго огонь грѣха произвелъ страшное опустошеніе. Но изъ подъ пепла этого пожараща выбѣгаютъ искры другаго огня, огня покаянія души, жаждущей, какъ изсохшая земля, росы—благодати Божіей. Душа кающаяся предъ Богомъ изливается въ слезахъ. Вотъ жертва благоприятная Богу, *жертва духа сокрушеннаго, сердца сокрушеннаго и смиреннаго* (Псал. 50, ст. 19), вотъ та печаль ради Бога, которая производитъ неизмѣнное покаяніе ко спасенію (2 Кор. гл. 7, ст. 10), и Иисусъ Христосъ, Отрокъ Божій, не отослалъ отъ Себя жены, грѣшницы, трости надломленной не переломилъ, и льна курящагося не уасилъ (Исаи гл. 42, ст. 3); Онъ, который пришелъ призвать грѣшниковъ къ покаянію (Мате. гл. 9, ст. 13), принявъ жертву грѣшницы, снялъ съ нея тяжелое ярмо грѣха и вложилъ въ нее сердце и духъ новый (Езек. гл. 36, ст. 26), когда обратившись къ хозяину, въ домѣ котораго возлежалъ, сказалъ ему о женѣ грѣшницѣ: *прощаются грѣхи ея многи за то, что она возлюбила много, и самой*

женщинѣ сказалъ: *прощаются тебѣ грѣхи: вѣра твоя спасла тебя; иди съ миромъ.* (Ев. Лук. гл. 7, ст. 27, 38, 47, 48, 50). Эти слова Господа оживотворили жену грѣшницу; потому что слова Его *еуть духъ и жизнь.* (Ев. Иоан. гл. 6, ст. 63). Своимъ словомъ, прощающимъ грѣхи, *Господь сошелъ въ душу кающуюся, какъ дождь на скошенный лугъ, какъ капли орошающія землю* (Псал. 71, ст. 7). Съ этого времени для Маріи Магдалины наступила новая, свѣтлая жизнь. Господь и Учитель ея даровалъ ей здравье тѣлесное, очистилъ душу ея отъ грѣховъ, освободилъ ее отъ власти бѣсовъ. Марія становится съ этого времени ученицею Господа, она ходитъ въ слѣдъ за Нимъ, слушаетъ Его благовѣстіе о царствіи Божіемъ и питаетъ душу свою Его небесною мудростію. Ученіе Господа отърываетъ ей новый, доселѣ неизвѣстный міръ жизни; новыя мысли, новыя чувства, новыя радости, стремленія и желанія наполняютъ ея духовную природу. Она становится преданною учителю своему всею душею. Объ этой новой жизни Маріи Магдалины тотъ же св. евангелистъ Лука говоритъ: *когда Иисусъ Христосъ, проходя по городамъ и селеніямъ Галилеи, благовѣствовалъ царствіе Божіе, то за нимъ слѣдовали нѣкоторыя женщины, которыя онъ исцѣлялъ отъ злыхъ духовъ и болѣзней, и въ числѣ этихъ женщинъ была и Марія, называемая Магдалина, изъ которой вышлѣ семь бѣсовъ* (гл. 8, ст. 2), или, какъ выражается евангелистъ Маркъ: *изъ которой Иисусъ Христосъ изгналъ семь бѣсовъ* (гл. 16, ст. 10). Что это за семь бѣсовъ, которыхъ изгналъ Иисусъ Христосъ изъ Маріи Магдалины? Рѣшеніе этого вопроса мы находимъ въ словахъ самого Иисуса Христа. Обличая фарисеевъ въ невѣріи въ Него, и указывая на источникъ этого невѣрія—ихъ злое сердце, Гос-

подъ говоритъ: когда нечистый духъ выйдетъ изъ человека; то ходитъ по безводнымъ мѣстамъ, ища покоя, и не находитъ. Тогда говоритъ: возвращусь въ домъ мой, откуда я вышелъ; и, пришедши, находитъ его не занятымъ, выметеннымъ и убранымъ. Тогда идетъ, и беретъ съ собою семь другихъ духовъ, злыишихъ себя, и вошедши, живутъ тамъ; и бываетъ для человека того (последнее хуже перваго) (Ев. Матѳ. гл. 12, ст. 43—45). Этими словами Господа обозначается, очевидно, такое состояніе души человѣческой, въ которомъ человѣкъ становится полномочнымъ владѣніемъ бѣсовъ, когда онъ своею дурною жизнію и закоснѣлымъ невѣріемъ въ Бога воспиталъ и упрочилъ въ себѣ свободную, нравственно зазорную преданность сатанѣ. А седмичное число бѣсовъ, выражающее полноту власти сатаны надъ человѣкомъ, есть образъ великихъ сѣтей сатанинскаго царства, которыми опутанъ человѣкъ во всѣхъ своихъ духовныхъ силахъ и способностяхъ. Въ такомъ состояніи свободной, преступной преданности сатанѣ находилась и Марія Магдалина, пока Господь не изгналъ изъ нея семь бѣсовъ. Легко понять, какую безграничную благодарность питала къ Господу Марія съ того времени, когда Онъ освободилъ ее отъ власти ея могущественныхъ мучителей. Посвятивъ всю остальную жизнь свою служенію Господу, предавшись Ему всею душою, Марія выражала свою благодарность Ему и вещественно; она вмѣстѣ съ другими женщинами, слѣдовавшими за Христомъ, служила Ему имѣніемъ своимъ (Ев. Лук. гл. 8, ст. 3). Но вотъ приближался праздникъ Пасхи въ послѣдній годъ земной жизни Господа. Господь пришелъ въ Иерусалимъ на праздникъ, пришла сюда и Марія Магдалина. Но какое невыразимое горе пережила она здѣсь! Она видѣла, какъ начальники народа ея осудили Гос-

пода, Учителя и Благодѣтеля ея на смерть, она слѣдовала за Господомъ, когда Онъ шелъ на смертную казнь, она плакала и рыдала, она смотрѣла издали, какъ Господа распинали на крестѣ, она стояла потомъ у креста Господа, видѣла, какъ сняли тѣло Его, смотрѣла, какъ и гдѣ положили Его во гробъ и потомъ вмѣстѣ съ другими женщинами сидѣла противъ гроба. Когда послѣ погребенія Господа она возвратилась въ Иерусалимъ, чтобы по прошествіи субботы помазать тѣло умершаго Учителя, то какъ мучителенъ былъ для нея день субботы и слѣдовавшая за нимъ ночь! Нельзя сомнѣваться, что эту мрачную ночь Марія провела безъ сна, въ слезахъ и неутѣшной горести. Она знала, чѣмъ она обязана была Учителю, и какую безмѣрную благодарность и преданность Онъ поселилъ въ душѣ ея. Поэтому въ первый день недѣли (наше воскресенье), очень рано, когда было еще темно: Марія Магдалина вмѣстѣ съ другими женщинами отправляется ко гробу Учителя, и между тѣмъ какъ спутницы ея замедлили у гроба, она какъ только увидѣла, что камень отваленъ отъ гроба, приходитъ въ ужасъ, спѣшитъ обратно въ городъ и возвѣщаетъ Симону Петру и Иоанну, что враги Господа предупредили ея приходъ и похитили тѣло Господа. Потомъ она снова возвращается въ гробъ и становится подлѣ него. *Марія стояла у гроба, и плакала. И когда плакала, наклонилась во гробъ, и видитъ двухъ Ангеловъ въ бѣломъ одѣяннѣ сидящихъ, одного у главы и другаго у ногъ, гдѣ лежало тѣло Иисуса. И они говорятъ ей: жена! что ты плачешь? Говоритъ имъ: унеси Господа моего, и не знаю, гдѣ положили Его. Сказавъ сіе, обратилась назадъ, и увидѣла Иисуса стоящаго, но не узнала, что это Иисусъ. Иисусъ говоритъ ей: жена! что ты плачешь? кого ищешь? Она, думая,*

что это сидовникъ, говоритъ ему: господникъ! если ты вынесъ Ею, скажи мнѣ, идѣ ты положилъ Ею, и я возьму Ею. Иисусъ говоритъ ей: Марія! Она, обратившись, говоритъ Ему: Раввун! что значитъ учитель! Иисусъ говоритъ ей; не прикасайся ко Мнѣ; ибо Я еще не восшелъ къ Отцу Моему; а иди къ братьямъ Моимъ, и скажи имъ: восхожу къ Отцу Моему и Отцу вашему, и къ Богу Моему и Богу вашему. Марія Магдалина идетъ, и возвѣщаетъ ученикамъ, что видѣла Господа, и что Онъ это сказалъ ей (Ев. Иоан. гл. 20, ст. 11—18). Вотъ изложеніе бесѣды воскресшаго Господа съ Марією Магдалиною. Войдемъ мыслію въ разумніе этой бесѣды. Марія стояла у гроба. Какъ прикованная теперь она стоитъ у гроба, какъ будто желая, хотя очень поздно, быть его караульщицею. Марія стоитъ и плачетъ. Она плачетъ, потому что думаетъ, что тѣло Иисуса похищено: поэтому она все посматриваетъ на пустой гробъ, гдѣ лежалъ Иисусъ, какъ бы не довѣряя глазамъ своимъ, дѣйствительно ли Господа нѣтъ во гробѣ. Тогда открываются у нея глаза и она узнаетъ небесныхъ вѣстниковъ совершившагося событія, она видитъ двухъ Ангеловъ въ бѣлыхъ одеждахъ. Это явленіе Ангеловъ въ исторіи воскресенія Господа есть знакъ того, что событіемъ этимъ открывается новое, чудесное время въ жизни людей. Ангелы спрашиваютъ Марію: жена! что ты плачешь? и между тѣмъ какъ она отвѣчаетъ имъ: унесли Господа моего, и не знаю, идѣ положили Ею, Иисусъ уже стоялъ позади ея. Марія, обратилась назадъ, то есть начала опять смотрѣть въ садъ и наблюдать, не появится ли какой либо человѣкъ, который сообщилъ бы ей свѣдѣніе о тѣлѣ Иисуса. Тогда начинается бесѣда Господа съ Марією; три раза говоритъ Господь Марію, три раза говоритъ и Ею ученица, и этотъ разговоръ есть

утѣшительное зерцало взаимной бесѣды Господа съ душою чловѣка, которая ищетъ и находитъ своего Спасителя и никогда уже не хочетъ оставить Его.

(Продолженіе будетъ).

III. Педагогъ древняго классическаго міра — философъ Сократъ.

(Продолженіе).

II. Основы Сократовской педагогіи.

§ 8. Мы уже имѣли случай замѣтить, что надпись на Дельфійскомъ храмѣ: *познай самого себя* была для Сократа священнымъ текстомъ, который онъ постоянно цитовалъ и толковалъ своимъ слушателямъ. Это изреченіе было не только однимъ изъ практическихъ совѣтовъ мудраго воспитателя, оно было ядромъ, вокругъ котораго сосредоточивалось все педагогическое дѣло Сократа. Существеннымъ предметомъ всей философіи Сократа было положеніе, что „самый важный и вполне достойный предметъ для чловѣческаго познанія есть самъ чловѣкъ“.

Это положеніе, провозглашенное Сократомъ, было не только оригинально, но составляетъ новую эпоху въ исторіи чловѣческаго образованія. Всѣ мыслители до Сократа ставили для себя задачей разрѣшеніе вопроса о началѣ и происхожденіи всѣхъ вещей, какъ совокупности цѣлаго, называемаго міромъ, природою, физическимъ космосомъ. Въ этомъ отношеніи не смотря на различіе ихъ исходныхъ точекъ зрѣнія на рѣшеніе общаго вопроса, они сходятся въ конечномъ результатѣ, въ главной цѣли своихъ изслѣдованій, въ предметѣ философіи, — всѣ они философы-физиологи, въ аттическомъ смыслѣ этого слова, или космологи 1). Сократъ первый обратилъ философію отъ спекуляцій о мірѣ и его началѣ на путь психологическаго изслѣдованія; изъ этой совокупности великаго физическаго космоса онъ, такъ сказать, выдѣлилъ нравственный микрокосмъ, личность чловѣческую и поставилъ самымъ важнымъ для

1) До-сократовская философія съ этой точки зрѣнія прекрасно разработана М. Н. Катковимъ въ его «Очеркахъ древней греческой философіи».

человѣческаго изученія предметомъ самого человѣка. Онъ изслѣдовалъ духъ и совѣсть человѣка, съ цѣлю открыть такимъ самоиспытаніемъ основные законы и послѣднія конечныя цѣли разумно-нравственной человѣческой природы, или того типа разумно-нравственныхъ качествъ человѣческой личности, который обусловливаетъ личное счастье каждаго человѣка въ гармоническомъ сочетаніи съ общимъ благомъ человѣчества. „Наука изучать существо человѣческое,“ какъ Сократъ понималъ философію, должна изслѣдовать начала и законы всѣхъ людскихъ качествъ, чтобы обратить эти общіе законы или принципы въ параллельную теорію правилъ и приложить послѣднія ко всей суммѣ частныхъ обстоятельствъ, къ практической дѣятельности, въ которой проявляется нравственный характеръ,—эта наука должна служить основой „искусства вести себя“, основой искусства воспитанія. Слѣдовательно, Сократъ былъ не только философомъ практической морали, но, что гораздо своеобразнѣе и многозначительнѣе, первымъ основателемъ *пеологіи* ²⁾, какъ науки о законахъ образованія характера, науки, соответствующей важнѣйшему изъ всѣхъ искусствъ, искусству воспитанія. Философско-педагогическій гений Сократа въ этомъ отношеніи не только опередилъ свой вѣкъ, но предвосхитилъ одну изъ самыхъ глубокихъ, важныхъ и плодотворнѣйшихъ идей нашей современной науки и культуры. Исторію педагогики, не только какъ практическаго искусства воспитанія, но какъ научной теоріи объ образованіи характера, какъ *пеологіи*, блистательно начинаеть Сократъ, этотъ истинный *parens philosophiae*, какъ справедливо его называли древніе.

Вѣкъ Сократа выработалъ уже богатый запасъ практическихъ житейскихъ правилъ, житейской мудрости, которою вообще отличались Аѳиняне. Необыкновенно-разнообразная и кипучая общественная жизнь Аѳинъ давала философу-моралисту и *пеологу* бо-

²⁾ «*Пеологія* или наука о характерѣ (отъ *ἦθος*— слова ближе соответствующаго термину «характеръ», чѣмъ какое бы то ни было другое слово того же языка). Названіе это можетъ быть этимологически приложимо ко всей наукѣ о нашей душевной и нравственной природѣ; но если, какъ это обычно и удобно, мы обозначаемъ словомъ *психологія* науку о природѣ и объ основныхъ законахъ души, то *пеологія* будетъ служить для обозначенія дальнѣйшей науки, которая опредѣляетъ законы образованія характера, соответственно этимъ общимъ законамъ и частнымъ физическимъ и нравственнымъ условіямъ. Согласно съ этимъ опредѣленіемъ, *пеологія* есть наука, соответствующая искусству воспитанія»... Д.-С. Милль, Сист. ологіи, т. II, стр. 442.

гатыи матеріалъ для обработки, чему способствовала и діалектическая способность этого роскошно одареннаго народа. Во всякомъ публичномъ собраніи, въ дикастеріяхъ, въ школахъ, въ театрахъ и на площадяхъ шель горячій споръ о томъ, что справедливо и что несправедливо, что честно и что нечестно, что полезно, и что вредно. Въ этихъ спорахъ высказывались готовыи мнѣнія, ставились новыя начала, полагались посылки и выводились заключенія. Но, какъ справедливо замѣчаетъ знаменитый историкъ Греція¹⁾, при всемъ этомъ людямъ не доставало того сознанія, которое дѣлаетъ всякаго способнымъ истолковать другому, что онъ дѣлаетъ. Идеи людей того времени, какъ творческихъ умовъ, такъ и воспримчивой массы, группировались скорѣе подъ вліяніемъ волненій чувствъ и возбужденій дня, нежели вслѣдствіе методическаго обобщенія, научнаго и отвлеченія на основаніи индуктивныхъ или дедуктивныхъ доказательствъ. Эти идеи и убѣжденія касательно самыхъ важныхъ вопросовъ человѣческой жизни накоплялись въ умахъ бессознательно, и будучи приняты на вѣру изъ преданія. Явившись, какъ нѣчто готовое, прежде развитія сознанія и безъ критической повѣрки разсудка, эти убѣжденія еще не подвергались пересмотру. Такимъ путемъ общія выраженія и ходячія положенія, касавшіяся человѣческой жизни, образовали рядъ ассоціацій изъ безчисленныхъ частныхъ, смѣшанное смутное цѣлое, въ которомъ каждая отдѣльная черта не представлялась еще ясно сознанію. Каждый находилъ общепринятые убѣжденія въ своемъ умѣ, не сознавая, какъ они укрѣпились въ немъ, каждый находилъ ихъ и въ другомъ, какъ результатъ общихъ вѣрованій и правилъ жизни. Такъ какъ эти общія положенія имѣли широкій смыслъ, то не смотря на постоянные споры о примѣненіи ихъ къ частнымъ случаямъ, они сами по себѣ казались убѣдительными и понятными для каждаго, никто не считалъ нужнымъ подвергать критическому анализу эти всеобщія положенія и никто не давалъ себѣ труда подумать о томъ, можетъ ли содержаніе ихъ быть доказано и дѣйствительно имѣть разумное приложеніе къ жизни.

Таково было состояніе мнимаго знанія—безъ дѣйствительнаго знанія того, что относится къ человѣческой жизни съ ея обязанностями и цѣлями,— что Сократъ называлъ «человѣческою муд-

1) Grote, v. VIII, котораго цитуетъ въ этомъ мѣстѣ и Льюисъ въ своей «Исторіи философіи», ч. I, стр. 150.

ростию“;—состояніе, которое легко понять безъ дальнѣйшихъ объясненій. Ибо и нынѣ по отношенію къ этому предмету въ большей части людей господствуетъ увѣренность въ „знаніи безъ знанія дѣйствительнаго“, принятіе убѣжденій и положеній не доказанныхъ, бессознательно на вѣру въ чей-либо авторитетъ, по преданію, или, по мѣткому выраженію Бэкона, *per intellectum sibi permissum*, при чемъ принимающій находится въ состояніи умственной иллюзіи, что онъ дѣйствительно понимаетъ и самые предметы, которыхъ касаются эти фразы, способенъ прилагать ко всемъ случаямъ въ жизни какъ безспорныя правила человѣческой мудрости, иллюзіи, особенно жалкой тѣмъ, что благодаря ей, человѣкъ теряетъ всякую способность различать истину или ложь самыхъ важныхъ въ жизни нравственныхъ правилъ, на каждомъ шагѣ обнаруживая шаткость, слѣпоту и противорѣчіе въ примѣненіи ихъ къ частнымъ обстоятельствамъ.

Въ такомъ состояніи умственной иллюзіи по отношенію къ человѣческой жизни Сократъ нашелъ современное ему общество, ослѣпленное увѣренностію въ „знаніи безъ знанія дѣйствительнаго“, и своимъ полнымъ любовью къ человѣчеству сердцемъ почувствовалъ, какъ страдаетъ о человеческое счастье отъ этого всеобщаго самоувѣреннаго невѣжества. Сравнивая самообольщеніе людей въ области нравственной жизни съ отношеніемъ ихъ къ различнаго рода спеціальнымъ дѣятельностямъ, можно видѣть, что иллюзіямъ и самоувѣренности нѣтъ мѣста въ послѣднихъ. Вотъ почему Сократъ любилъ чаще всего указывать въ своихъ бесѣдахъ на контрастъ между степенью познанія человѣческаго въ отношеніи самыхъ важныхъ вопросовъ человѣческой жизни и степенью познанія ремесленниковъ въ отношеніи своего ремесла. Возьмите, говоритъ онъ, человѣка, который либо занимающагося спеціально, напримѣръ плотника, мѣдника, кормчаго, врача, музыканта, или спросите каждого о предметахъ своего цеховаго занятія. Онъ будетъ въ состояніи сказать вамъ, какъ какихъ-либо онъ учился своему ремеслу, укажетъ вамъ путь, которымъ онъ научился; онъ можетъ вамъ опредѣлить цѣль своихъ занятій и вмѣстѣ съ этимъ все частныя средства, которыя употребляетъ для осуществленія этой цѣли; онъ укажетъ вамъ основанія, почему нужно употребить эти средства, и какія нужно взять предосторожности, чтобы преодолѣть тѣ или другія препятствія; онъ можетъ научить другихъ своей

профессіи; въ томъ, что къ ней относится, онъ пользуется авторитетомъ, такъ что никто другой, если онъ не знатокъ по этой части, не подумаетъ спорить, напримѣръ, съ рѣшеніемъ врача при извѣстной болѣзни, или съ распоряженіемъ кормчаго на морѣ. Между тѣмъ, какъ это бываетъ по отношенію къ каждому спеціальному занятію, какая противоположность въ отношеніи *искусства справедливо, честно и счастливо жить*, искусства, которое для всѣхъ и каждаго имѣеть одинаковую важность, или по крайней мѣрѣ, должно имѣть! Всякій убѣжденъ въ томъ, что онъ хорошо знаетъ это искусство, но никто не знаетъ, какимъ способомъ онъ достигъ до этого знанія, никто никогда не думалъ ни о цѣли, ни о средствахъ, ни о препятствіяхъ къ этому; никто не можетъ разъяснить даже своихъ собственныхъ понятій объ этомъ, дать въ нихъ вѣрный отчетъ, если ему будутъ предложены вопросы объ этомъ; никто, повидимому, не можетъ учить этому другихъ, какъ это кажется изъ того, что нѣтъ особенныхъ учителей добродѣтели, и что сыновья самыхъ лучшихъ людей часто не имѣютъ никакой нравственной доблести. Всякій знаетъ нѣкоторые общіе терминъ и утверждаетъ ихъ съ полною увѣренностію, не ища никого другаго, кто бы понималъ ихъ лучше, и потому разногласіямъ и противорѣчіямъ о частныхъ случаяхъ нѣтъ конца. „Когда кто-либо, имѣя молодую лошадь, пожелаетъ выѣздить ее, онъ тотчасъ безъ труда найдетъ человѣка, совершенно знакомаго съ привычками лошадей, который можетъ выучить превосходно молодое животное. Но можетъ ли найти кто-либо такого человѣка, который бы сталъ учить его сына добродѣтели, человѣка, вполне обладающаго необходимыми предварительными свѣдѣніями, отъ дѣятельности котораго можно бы ожидать вѣрнаго успѣха, найти человѣка, который бы могъ хорошо объяснить, *что въ добродѣтели можетъ быть предметомъ науки*, что есть добродѣтель вообще, въ какихъ частяхъ существуетъ сходство и въ какихъ различіе между различными ея видами: справедливостію, мужествомъ и мудростію?“ 1)

§ 9. Такого глубокаго учителя, такого представителя человѣческой мудрости, или по выраженію Платона такое обличающее и убѣждающее не твердыхъ по уму людей божество, древній языческій міръ встрѣтилъ въ философѣ Сократѣ. Въ разговорахъ Платона,

1) Protagoras Платона, Meno его же. Alcib 1, Grote, v. VIII.

именно въ тѣхъ, гдѣ ученіе Сократа не закрывается личными философскими идеями Платона, бесѣды Сократа имѣютъ предметомъ изслѣдованіе вопроса: „можно ли учить добродѣтели“, то-есть, анализъ добродѣтели, какъ предмета науки, и разсмотрѣніе ея видовъ, условій и цѣли⁽¹⁾.

Какъ человѣкъ съ глубоко-религіознымъ настроеніемъ души, онъ считалъ своимъ нравственнымъ долгомъ вывести согражданъ своихъ изъ состоянія умственного самообольщенія и къ этой цѣли направлялъ способъ своего перекрестнаго допрашиванія противъ великаго заблужденія всѣхъ современниковъ своихъ въ отношеніи къ человѣческой мудрости, очищая умъ слушателей своихъ отъ предвзятыхъ и случайно воспринятыхъ мнѣній, перѣдко другъ другу противорѣчащихъ правилъ; поражая самоувѣренность въ «знаніи безъ знанія дѣйствительнаго» въ отношеніи къ человѣческой жизни съ ея общими принципами и главною цѣлію; какъ человѣкъ обширной практической опытности, высокаго разумно-выработаннаго нравственнаго характера, съ природнымъ стремленіемъ ума къ научному обобщенію и обоснованію жизненныхъ явленій, владѣя способностію къ духовному возбужденію другихъ, онъ первый изъ философовъ созналъ необходимость изученія существа человѣческаго для пріобрѣтенія опытности въ искусствѣ *вести себя*. Постоянно обращаясь къ священному изреченію оракула „познай самого себя“, Сократъ ставилъ какъ основной принципъ изслѣдованія человѣческой природы, *самосознаніе, необходимость психологическихъ данныхъ для психологическихъ выводовъ о законахъ образованія характера и параллельныхъ тому правилъ практическаго воспитанія*.

(1) Вопросъ о томъ, можетъ ли добродѣтель быть предметомъ науки, сильно занималъ умы во время Сократа, и Платонъ посвятилъ много своего генія рѣшенію этого вопроса. Въ многочисленныхъ разговорахъ Платона, бесѣды Сократа имѣютъ предметомъ анализъ добродѣтели и ея видовъ. Такъ въ *Протагорѣ* и *Менонѣ* рѣшается вопросъ: можно ли учить добродѣтели вообще; въ *Лакесѣ* идетъ рѣчь о мужествѣ; въ *Хармидѣ*—объ умѣренности; въ *Евтиралѣ*—о святости; въ *Гиппій*—о справедливости. Въ «*Мено*» Платона (стр. 56, 98) Сократъ говоритъ, что добродѣтель не можетъ быть наукою, что ей нельзя учить. Но это мнѣніе не въ духѣ Сократа, который, по Ксенофонтѣ, отождествлялъ добродѣтель съ наукою, или знаніемъ, или какъ точнѣе утверждаетъ Аристотель, подчинялъ всю нравственность наукѣ, *Φρονήσεις ὧν ἐστὶν πάσας τὰς ἀρετὰς*, Aristot. Ethic. Nicomach. VI. 13. и Платоновскій Сократъ самъ отрицаетъ это мнѣніе, говоря въ другомъ мѣстѣ, что добродѣтель есть наука. Protog. стр. 361. Развитие доказательствъ этого положенія Сократа читатель найдетъ ниже, Сл. переводъ Карпова. Ч I, стр. 129—130.

Идея о необходимости самопознания, какъ необходимаго условія для рѣшенія вопроса, какъ воспитать себя для жизни, съ поразительною силою и глубиною раскрыта Сократомъ въ «Алківіадѣ первомъ»; въ которомъ болѣе, чѣмъ въ другихъ діалогахъ Платона, виднѣн чистый Сократъ, развивающій основанія для выводовъ, которые однакожь не высказываются, а только полагаютъ въ душѣ слушателя плодотворное сѣмя для самостоятельнаго развитія мысли,— Сократъ, возбуждающій и унимающій боли уметвеннаго рожденія своимъ дивнымъ искусствомъ *τέχνη μαεστική*. Поэтому древніе весьма цѣнили этотъ разговоръ, совѣтуя съ него начинать изученіе Платоновыхъ разговоровъ (См. Соч. Платона въ переводѣ Карцова, ч. 2, стр. 377). Приводимъ классическое мѣсто изъ этого разговора, которое должно служить подтвержденіемъ и разъясненіемъ положенія о значеніи самопознания для нравственной жизни.

«Скажи, Алківіадъ, посредствомъ какого искусства можно бы намъ заботиться о самихъ себѣ?»—Алківіадъ: Не умѣю сказать.— Сократъ: „Знали ли бы мы, какое искусство дѣлаетъ лучшую обувь, не зная обуви?“—Невозможно.—„Равно какъ и искусство дѣлать лучшіе перстни, не зная перстня?“—Да.—„Что же? Можно ли намъ знать, какое искусство дѣлаетъ лучшими насъ, не зная, что такое мы?“—Нельзя.—„А легкое ли дѣло—*узнать себя*, какъ надписано на пелійскомъ храмѣ, или оно трудно и не всякому по силѣмъ?“— Эта надпись казалась мнѣ, Сократъ, иногда легкою для всякаго, а иногда очень трудною.—„Легка она или нѣтъ, Алківіадъ,—но нами положено, что зная себя, мы узнали бы, какъ позаботиться о насъ самихъ, а не зная перваго нельзя знать и послѣдняго“. (Показавъ затѣмъ, что душа, управляющая тѣломъ, есть въ человѣкѣ главное, Сократъ дѣлаетъ выводъ, что „познать самого себя значитъ познать свою душу“, которая и должна быть предметомъ нашихъ попеченій). Мы вполне согласились, продолжалъ Сократъ, что такое мы, и только опасались, какъ бы не ошибиться, и по незнанію не направить своего попеченія къ чему другому, вмѣсто насъ самихъ. Теперь же намъ остается заботиться о душѣ и еимѣть въ виду“.— „Какъ же бы намъ уразумѣть это требованіе со всею ясностію? Вѣдь узнавъ это, мы какъ видно, и познаемъ самихъ себя. Скажи, не понятно ли для насъ то, что говоритъ Дельфійская надпись, о которой мы только что упоминали?“— „Я скажу тебѣ,

какой смысл и совѣтъ угадываю въ этой надписи. Подобій тутъ должно быть не много; сузу только по зрѣнію. — „Если бы она совѣтовала глазу, какъ теперь человѣку, и сказала: гледи на самого себя; то какъ поняли бы мы ея совѣтъ? Не на то ли смотрѣть убѣждала бы она его, на что смотря, онъ видѣлъ бы себя?“ — Очевидно. — „Вникнемъ же, на что въ ряду вещей должны мы глядѣть, чтобы видѣть и самихъ себя? — Явно, Сократъ, что на зеркало или на что другое въ этомъ родѣ. — Ты говоришь вѣрно. Нѣтъ ли чего-нибудь такого и въ самомъ глазѣ, которымъ мы смотримъ?“ — Ты замѣтилъ, что, кто смотритъ на глазъ, того лицо въ противоположномъ ему глазѣ отражается, какъ въ зеркалѣ которое мы называемъ зрачкомъ, какъ бы то есть, образомъ лица смотрящаго? Слѣдовательно, глазъ можетъ видѣть себя тогда, когда смотритъ на глазъ и видитъ въ немъ самое лучшее, именно то, чѣмъ онъ смотритъ? Итакъ желая видѣть себя, глазъ долженъ смотрѣть на глазъ, а въ глазѣ — на то мѣсто, въ которомъ заключается сила глаза, что, вѣроятно, есть зрѣніе. Подобно тому и душа, любезный Алкивиадъ, если хочетъ знать себя, не должна ли смотрѣть на душу, особенно на то мѣсто въ душѣ, въ которомъ ея сила (мудрость) и на другое тому подобное?“ — Но можемъ ли мы найти въ душѣ что-либо божественнаго того, чѣмъ познаемъ и мыслимъ?“ — Нѣтъ. „Слѣдовательно, эта часть души походитъ на божественное, и кто смотря на нее, познаетъ все божественное (Бога и разумъ), тотъ-то особенно познаетъ и себя самого.“ — Очевидно... — „А не зная самихъ себя, можемъ ли мы знать свое зло и добро?“ — „Тебѣ, конечно, представляется невозможнымъ, не зная Алкивиада, знать Алкивиадово, то-есть, что принадлежитъ Алкивиаду.“ — „Слѣдовательно и наше, что оно наше, не зная самихъ себя нельзя знать? А если нельзя знать нашего, то нельзя знать и того, что относится къ нашему? Потому что зная все это, то-есть, зная себя, свое и относящееся къ своему, есть дѣло, кажется, одного и того же искусства... Но кто не знаетъ своего, тотъ, по тѣмъ же причинамъ, не можетъ знать и чужаго? Ибо онъ не будетъ знать, что дѣлаетъ? Не зная же этого, не будетъ ли погрѣшать? А кто ошибается, тотъ не причиняетъ ли зла и дома, и въ обществѣ? Дѣлающій же зло не жалокъ ли?“ — Слѣдовательно, въ комъ нѣтъ знанія и добродѣтели, тотъ не можетъ быть счастливымъ.“ — Конечно, не можетъ... — „Стало быть,

добродѣтель ты долженъ напередъ приобрести самъ, или вообще тотъ, кто стремится принять на себя попеченіе не только частно о себѣ, но и еще объ обществѣ и общественномъ“. — Ясно... — „Потому что дѣйствуя справедливо и мудро вы будете дѣйствовать богоугодно, и какъ мы прежде сказали, будете дѣйствовать, взирая на божественное и свѣтлое, а взирая на это, увидите и познаете, какъ себя самихъ, такъ и свои блага. Тогда ваши дѣла будутъ справедливы и добры. Если же такъ, то я готовъ ручаться, что вы будете счастливы. Напротивъ дѣйствуя несправедливо, вы будете взирать на безбожное и мрачное, а въ такомъ случаѣ, какъ и должно быть, не зная себя самихъ станете совершать подобныя тому дѣла? Какъ заботящійся о самопознаніи созерцаетъ въ себѣ божественное и свѣтлое — *θεῖον καὶ λαμπρὸν* — и поступаетъ сообразно этому идеалу человеческого совершенства, такъ не знающій себя не видитъ въ себѣ ни бога, ни свѣта, есть *ἄθεος καὶ σκοτεινός*, и слѣдовательно, чуждъ богоподобія въ своемъ поведеніи, не зная святыхъ идеаловъ и разумныхъ цѣлей жизни.“

§ 10. Это внутреннее соприкосновеніе идеи моральной съ идеей научною составляетъ самую существенную сторону философіи Сократа, какъ теолога, и побуждаетъ насъ, согласно съ нашимъ взглядомъ и цѣлю, раскрыть этотъ принципъ Сократа по отношенію къ тому предмету, который онъ первый сдѣлалъ предметомъ изслѣдованія, доказывая, что добродѣтель можетъ и должна быть изучаема, что знаніе психологическихъ законовъ и конечныхъ цѣлей нравственной жизни есть первое условіе, внутренняя основа для искусства воспитанія нравственнаго характера, или, по выраженію Сократа, что «знаніе есть добродѣтель». Изслѣдованіе въ этомъ направленіи необходимо тѣмъ болѣе, что на Сократа болѣею частью смотрять, какъ на проповѣдника нравственности, который, сосредоточиваясь на практической, моральной сторонѣ философіи, даже отрицалъ теоретическое ея значеніе, относился къ наукѣ съ пренебреженіемъ скептика. Ничего не можетъ быть одностороннѣе и даже фальшивѣе такого взгляда на дѣло Сократа, на предметъ и цѣль его философіи. Значеніе практическаго моралиста принадлежало, безспорно, личности Сократа и было причиною того почета, которымъ пользуется его имя въ исторіи. Но эта особенность, вовсе не особенно

оригинальная, является не как причина его могущественного воспитательнаго вліянія, но уже как слѣдствіе его теоретическаго принципа философіи. Правда, что Сократъ никогда не высказывалъ своей доктрины (за что часто его укоряли собесѣдники); однако, если бы онъ былъ только догматическимъ моралистомъ, то ни Платонъ, ни Аристотель не называли бы себя его учениками. Считающіе Сократа только моралистомъ ссылаются на этотъ разъ именно на Аристотеля, который говоритъ: „Размышленія Сократа касались только истины, но не касались природы вообще“. Но эти, ничего, впрочемъ, не подтверждающія слова представляютъ одинъ лишь выхваченный отрывокъ; далѣе Аристотель продолжаетъ: „въ этихъ размышленіяхъ онъ (Сократъ) искалъ *отвлеченнаго* (τοῦ καθόλου); онъ первый задумалъ давать *опредѣленія*“. Въ другой части метафизики своей Аристотель выражается еще яснѣе: „Сократъ занялся нравственными добродѣтелями и первый сталъ искать *отвлеченныхъ ихъ опредѣленій*... Сократъ разумно (εὐλογῶς) изслѣдовалъ *сущность* вещей, то-есть, того, что существуетъ.“¹⁾ Кроме этихъ прямыхъ свидѣтельствъ о Сократѣ, мы встрѣчаемъ у Аристотеля упрекъ Аристиппу, одному изъ послѣдователей Сократа, за то, что онъ оставилъ науку и сосредоточился на одной нравственности. Молчаніе его въ этомъ случаѣ о Сократѣ свидѣтельствуеетъ, что Сократъ не отрицалъ науки, теоріи²⁾. Сократъ отрицалъ физическія гипотезы о началѣ міра, потому что, составляя, по его выраженію, предметъ пустаго любопытства, эти фантастическія въ то время теоріи отрицали науку о человѣческой душѣ и знаніе тѣхъ сокровищъ, которыя сокрыты въ ней. Его предшественники и современники мыслили наудачу. Они строили одни бездоказательныя гипотезы, другъ другу противорѣчащія, какъ мнѣнія сумасшедшихъ, по рѣзкому выраженію Сократа; ибо они не опредѣляли границъ и условій для своихъ изслѣдованій. Сократъ оставилъ всѣ подобныя попытки и сталъ на путь психологическаго изслѣдованія, на путь самосознанія, поднялъ первый и величайшій вопросъ въ наукѣ о природѣ и законахъ человѣческаго духа и сознанія, какъ условіяхъ знанія и добродѣтели, науки и жизни. Этимъ самымъ Сократъ далъ новый и самый плодотворный толчекъ

¹⁾ Metaph. Aristot. XIII. 4.

²⁾ „Исторія философіи“ Лангса, ч. 1. 156 и слѣд.

знанію и мысли; и если толчекъ нравственный былъ болѣе энергиченъ, чѣмъ интеллектуальный, то это потому, что „вопросы жизни“ болѣе вызвали вниманіе Сократа, который самъ, по прекрасному выраженію одного историка философіи, великъ не какъ отвлеченный систематикъ, но какъ цѣльный человѣкъ 1). Теорія Сократа вся была направлена къ жизненнымъ человѣческимъ цѣлямъ, къ воспитанію идеальнаго благородства, нравственнаго характера, какъ условія счастливой жизни, и никто менѣе его не былъ „трансценденталенъ“ въ этомъ отношеніи 2). Онъ былъ проникнутъ всею тою великою идеей, что сила твердой нравственной жизни зависитъ отъ понятій разума, отъ знанія конечныхъ нравственныхъ цѣлей и условій человѣческаго существованія. Сократъ былъ убѣжденъ, что нельзя быть справедливымъ, умѣреннымъ, мужественнымъ, благочестивымъ, патриотомъ, не зная, какъ слѣдуетъ, что такое справедливость, умѣренность, мужество, святость и любовь къ отечеству. Это и есть основное убѣжденіе; около котораго сосредоточилась вся дѣятельность Сократа, какъ иеолога. Эти предметы, говорилъ Сократъ, Божество предоставило не только для человѣческой дѣятельности, но и для человѣческаго изученія и познаванія: это такая область, въ которой оно расположило всѣ явленія въ непрерывномъ порядкѣ, по законамъ причинъ и слѣдствій, такъ что каждый не только можетъ знать, если употребитъ на то достаточное стараніе, но обязанъ знать, потому что невозможно поступать хорошо, если этого не знаешь; иначе ты—не лучше раба, не способенъ, чтобы тебѣ довѣряли, какъ свободному существу съ нравственною отвѣтственностію. Противопоставивъ предшествовавшей философіи натурализма философію гуманизма и ставя личность человѣческую главнымъ полемъ своихъ изслѣдованій, Сократъ первый высказалъ великій принципъ, что расположенія человѣческой воли и характеръ дѣйствій подчинены своимъ общимъ законамъ и разумнымъ цѣлямъ. Слѣдователь-

1) Brandis, Gesch. d. Phil. 1, § 35.

2) Весьма характеристиченъ въ этомъ смыслѣ разговоръ Ксенофонта, передающаго разговоръ Сократа съ Аристиппомъ о добромъ и прекрасномъ. Аристиппъ спросилъ Сократа: „Знаетъ ли онъ что-нибудь доброе?“—Вы спрашиваете, отвѣчалъ Сократъ, знаю ли я что-нибудь доброе на случай лихорадки, или противъ воспаления *глазъ*, или какъ предохранительную мѣру противъ *голода*? Если же продолжалъ Сократъ, вы спрашиваете меня о *добромъ*, что не добро ни на что, то такого я не знаю, и не желаю знать. „Сл. Нѣмецкая Психологія“ сочиненіе М. Троицкаго, стр. 212—213.

но, возможна и необходима общая и сообразная съ этими законами теорія нравственныхъ дѣйствій, или тѣхъ человѣческихъ качествъ, которыя должно или возбуждать, или устранять по отношенію къ господствующей, конечной цѣли человѣческой природы—благу и счастью. Съ этой точки зрѣнія Сократъ смотрѣлъ на каждое общее или родовое выраженіе, обозначающее совокупность нравственныхъ качествъ (добродѣтель), какъ на отвлеченное логическое *опредѣленіе*, въ которомъ соединено множество сужденій или познаній ума о частныхъ случаяхъ поступковъ или дѣйствій человѣческихъ, приведенныхъ въ извѣстную гармонію, въ *цѣлостное понятіе*. Это понятіе, выраженное въ общемъ названіи какой-либо добродѣтели (напримѣръ, справедливость), образуетъ извѣстное нравственное правило или общій типъ нравственнаго поведенія. Разбирая такимъ образомъ частныя сужденія, входяція въ составъ общаго понятія о какомъ-либо нравственномъ свойствѣ или качествѣ (добродѣтели), Сократъ, по выраженію Аристотеля, разумно изслѣдовалъ сущность человѣческихъ вещей, то-есть, законовъ, которые обнаруживаются въ духовной жизни человѣка и которыми опредѣляется разумно-нравственный типъ человѣческаго характера. „Справедливо поступать, говорить Сократъ, значить выполнять какое-либо дѣло послѣ того, когда узнаешь его и приобрѣтешь умѣнье выполнять; выполнять разумными и самыми приличными средствами это вовсе не то, что успѣхъ или удача безъ всякаго разумнаго плана, или приготовленія“. Поэтому каждому человѣку всего нужнѣе—знаніе, какъ приготовленіе къ дѣйствию; невѣжество же, а особенно воображаемое „знаніе безъ знанія дѣйствительнаго“, то-есть, самоувѣренное невѣжество есть главный порокъ, или то великое заблужденіе, по выраженію Сократа, которымъ были ослѣплены умы его народа и къ очищенію котораго онъ направлялъ безопадный огонь своего перекрестнаго допрашиванія ¹⁾).

Примѣчаніе. „Сократъ. „Кто чего незнаетъ, того душа въ томъ и

¹⁾ „Ибо, какъ врачи, говоритъ Сократъ, держатся того мнѣнія, что тѣло можетъ не раньше переварить пищу, пока кто-нибудь не устранитъ въ немъ препятствія къ тому; точно также и тѣ, которые очищаютъ засоренную душу, полагаютъ, что она не раньше можетъ извлечь пользу изъ предлагаемыхъ знаній, пока не освободятъ ее отъ мнѣній, стоящихъ на пути къ знанію, пока совершенно не очистятъ ее. Въ этомъ состоитъ счастливѣйшее свойство духа, и потому-то *испытующее обличеніе* можетъ быть названо самымъ лучшимъ, самымъ дѣйствительнымъ *очистительнымъ* средством“. См. „Очеркъ исторіи воспитанія“ *Модзалевскаго*, 1, 90.

заблуждается. А ты не знаешь, другъ мой, что это за состояніе?— Алкивиадъ: Конечно, не знаю...— „Но не самъ ли ты говоришь, что заблуждаешься, когда даешь отвѣтъ о справедливомъ и несправедливомъ, о прекрасномъ и постыдномъ, о худомъ и добромъ, о полезномъ и вредномъ? Не очевидно ли, слѣдовательно, что ты заблуждаешься по причинѣ незнанія этихъ вещей?“— Кажется.— Но знаешь ли ты, какимъ образомъ взойти на небо?“— Конечно не знаю.— „И не заблуждаешься въ этомъ?“— Конечно.— „А знаешь ли почему, или же сказать тебѣ почему?“— Скажи.— „Причина та, другъ мой, что не зная этого, ты и не считаешь себя знающимъ... Напримѣръ, ты вѣрно знаешь, что не знаешь, какъ приготовить кушанье? Поэтому самъ ли думаешь какъ приготовить его, и заблуждаешься или поручаешь знающему?— Поручаю, знающему.— Ну а плывя на корабль, думаешь ли, какъ держать руль— вправо или влѣво— и заблуждаешься, такъ какъ не знаешь этого, или поручаешь кормчему, самъ остаешься въ покоѣ?“— Поручаю кормчему.— „Значитъ ты не заблуждаешься въ томъ, хотя не знаешь, если знаешь, что не знаешь... И, такъ, понимаешь ли что заблужденія въ дѣлахъ происходятъ отъ таковаго незнанія, которое бываетъ у человѣка, когда онъ приписываетъ себѣ знаніе того, чего не знаетъ? Вѣдь мы тогда рѣшаемся дѣлать, когда увѣрены въ своемъ знаніи того, что хотимъ дѣлать?“— „А кто увѣренъ, что самъ не знаетъ, тотъ поручить это дѣло другимъ. Поручая же ихъ знающимъ, онъ въ отношеніи къ дѣламъ ему неизвѣстнымъ живетъ безъ ошибокъ. И такъ, кто ошибается?— ужь конечно, не тѣ, которые знаютъ?— Если же и не тѣ, которые знаютъ, и не тѣ, которые знаютъ, что не знаютъ того, чего не знаютъ; то остаются ли еще другіе кромѣ тѣхъ, которые, не зная, самоувѣренны въ своемъ знаніи? Значитъ, это-то незнаніе, это надмѣнное невѣжество и есть причина всѣхъ пороковъ. И неправда ли, что оно особенно губительно и постыдно, когда имѣетъ отношеніе къ дѣламъ величайшей важности: прекраснаго, добраго и полезнаго?... Бѣдный Алкивиадъ! Какъ жалко твое состояніе! Вѣдь, ты находишься въ самомъ постыдномъ невѣжествѣ, мой добрый другъ! Впрочемъ, ты не одинъ страдаешь этою болѣзнію, между людьми большинство, за нѣкоторыми только исключеніями, подобныхъ тебѣ“... (Сочиненія Платона, перев. Карпова, ч. 2, стр. 412—416).

§ 11. Знаменитый историкъ Греціи проводитъ въ этомъ отношеніи замѣчательную аналогію между отцемъ древней философіи и родоначальникомъ новой науки Вѣкономъ, жившимъ черезъ двѣ тысячи лѣтъ послѣ Сократа, хотя предметы, на которые направилъ свой *experimentum crucis* (перекрестный опытъ) Вѣконъ, различны отъ предметовъ перекрестнаго эленкоса Сократа. Сократъ видѣлъ, по отношенію къ человѣческимъ дѣламъ, что понятія, на которыя опирается каждый и сообразно съ которыми дѣйствуетъ, суть не болѣе, какъ произвольные продукты (выражаясь языкомъ Вѣкона), *intellectus sibi permissi*—разсудка, или оставленнаго безъ всякаго руководства, или дѣйствующаго подъ слѣднымъ руководствомъ симпатій, антипатій, авторитетовъ, или незамѣтной бессознательной ассимиляціи. Это продукты, составленные изъ многихъ случаевъ первоначальныхъ дѣтскихъ впечатлѣній, составленные не только безъ всякаго старанія, но и безъ сознанія способа ихъ образованія и послѣ оставленные безъ всякой повѣрки. На этой-то основѣ пытались софисты, или учителя дѣловой Аѳинской жизни, построить зданіе добродѣтели и образованія. Но Сократу такая попытка казалась ничего не обѣщающею, какъ не менѣе казалась въ свое время Вѣкону невыполнимою попытка—вырастить величественное и плодоносное дерево науки, не очистивъ напередъ почвы отъ тѣхъ вредныхъ веществъ, которыя лежатъ вокругъ его корня и производятъ на него свое губительное вліяніе. Сократъ такимъ образомъ, какъ и Вѣконъ, ставитъ свой присутствующій процессъ первымъ условіемъ всякаго дальнѣйшаго усовершенствованія этихъ безсвязныхъ общихъ мѣстъ, которыя въ умѣ людей считаются путеводителями къ знанію. Но онъ, какъ и Вѣконъ, начинаетъ обличеніе не съ тѣмъ, чтобы окончить отрицаціемъ, но какъ предварительное очищеніе, необходимое для послѣдующихъ положительныхъ работъ и слѣдствій. Въ естественныхъ наукахъ, на которыя главнымъ образомъ обращено вниманіе Вѣкона, нельзя достигнуть никакого успѣха, не улучшивъ экспериментальныхъ изслѣдованій, которыя могли бы открыть новыя, до сихъ поръ неизвѣстныя факты. Въ тѣхъ предметахъ, которые изслѣдовалъ Сократъ, элементарныя данныя изслѣдованія лежатъ внутри опыта слушателя, нужно только поставить ихъ въ связи по отношенію къ нравственнымъ конечнымъ дѣламъ, посредствомъ сознательнаго умственнаго процесса, который необходимо для того, чтобы связать факты нравственной жизни между

собою въ строго-логическомъ порядкѣ основныхъ положеній (нравственной теоріи) 1).

Итакъ, Сократъ не только не отрицаетъ систематическаго, теоретическаго знанія, науки, но положительно ставитъ ее необходимою основой жизни — *conditio sine qua non*. Сократъ былъ убѣжденъ, — и эта идея проникаетъ въ его умозрѣнія и служитъ основнымъ началомъ науки и искусства вести себя, — что человѣкъ не можетъ дѣлать хорошо то, чего онъ не знаетъ, не можетъ быть справедливымъ, умѣреннымъ, добродѣтельнымъ, если не знаетъ, что такое справедливость, умѣренность, добродѣтель. Знаніе или наука о существѣ человѣка, о разумно-нравственныхъ законахъ и конечныхъ цѣляхъ, есть основа искусства вести себя, искусства воспитанія и образованія нравственнаго характера.

Въ „Протагорѣ“, который, по признанію всѣхъ изслѣдователей, между разговорами Платона болѣе всѣхъ запечатлѣнъ характеромъ именно Сократовой философіи, Сократъ развиваетъ свой взглядъ на этотъ предметъ въ слѣдующихъ положеніяхъ, которыя онъ доказываетъ со всею силой своего индуктивнаго метода: если каждое добродѣтельное свойство, какъ-то, справедливость, святость, благо-разуміе и мужество, основываются на мудрости или знаніи, то ясно, что добродѣтель есть знаніе, и что она можетъ быть изучаема, можетъ быть предметомъ науки. Сократъ формулируетъ окончательный результатъ своихъ изслѣдованій по этому предмету въ заключеніи разговора съ Протагоромъ слѣдующими словами, пронизанными духомъ истинно-Сократовской ироніи:

„Теперь результатъ нашего разговора представляется мнѣ въ видѣ насмѣшливаго докладчика; онъ, если бы могъ, сказалъ бы: какъ вы странно, Сократъ и Протагоръ! Ты Сократъ, прежде предполагая, что добродѣтели учить нельзя, теперь хочешь противнаго, доказывая, что всѣ виды добродѣтели, — и справедливость, и святость и разумительность, и мужество, — знаніе; но вѣдь отсюда слѣдуетъ, что всѣ онѣ могутъ быть предметомъ науки. Равнымъ образомъ, Протагоръ прежде утверждалъ, что добродѣтель изучима, а теперь домогается, повидимому, противнаго, и лучше

1) Grote, v. VIII. См. Аѳсб. 1. «Сочиненія Платона» въ переводѣ Карпова, ч. 2, стр. 414 и слѣдующія.

соглашается называть ее почти всѣмъ, и лишь бы только не знаніемъ: но подъ этимъ условіемъ она не можетъ быть предметомъ науки“...

Сокращеніе всѣхъ изслѣдованій Сократа по этому предмету въ разговорѣ съ Протагоромъ представляетъ слѣдующее мѣсто Платонова „Менона“.

„Если добродѣтель есть знаніе, то ей можно учиться“, говоритъ Сократъ. — Послѣ этого надобно разсмотрѣть, есть ли добродѣтель знаніе, или она отлична отъ знанія“. — И мнѣ кажется что послѣ этого нужно именно такое изслѣдованіе. — „Что же? Не назовемъ ли мы добродѣтель самымъ добромъ, оставаясь вѣрными тому положенію, что она есть добро?“ — Безъ сомнѣнія. — „Но если есть какое-нибудь добро, отдѣльное отъ знанія, то добродѣтель уже не будетъ знаніемъ. Напротивъ, когда нѣтъ ничего добраго, что не условливалось бы знаніемъ, — не справедливо ли думали бы мы, что добродѣтель и есть знаніе?“ — Такъ. — „Но мы добры вѣдь добродѣтелию?“ — Да. — А если добры, то и полезны, потому что все доброе — полезно. Не такъ ли?“ — Да. — „Слѣдовательно, добродѣтель и полезна?“ — Изъ допущеннаго это необходимо. — „Возьмемъ же все порознь и разсмотримъ, въ чемъ состоитъ та польза, которую она приноситъ намъ... Ты допускаешь разсудительность, справедливость, мужество и другое тому подобное?“ — Допускаю. — „Внихни же: которая изъ этихъ вещей кажется тебѣ не знаніемъ, а чѣмъ-то отдѣльнымъ отъ знанія, и не таковы ли онѣ, что иногда вредятъ и иногда приносятъ пользу, каково, напримѣръ, мужество, когда оно не разсудительно, а походитъ на дерзость? Не правда ли, что человекъ смѣлый, безъ ума, получаетъ вредъ, а съ умомъ — пользу?“ — Да. — „Не тому же ли подлежитъ и разсудительность, и справедливость? Познаваемое и исполняемое съ умомъ полезно, а безъ ума вредно?“ — Безъ сомнѣнія. — „Слѣдовательно, всѣ вообще преднамѣренія и усилія души, подъ руководствомъ разумности, оканчиваются счастьемъ, а подъ руководствомъ безумія — противнымъ тому?“ — „Если же добродѣтель принадлежитъ къ тому, что находится въ душѣ и необходимо полезно, то надобно, чтобъ она была разумною, такъ какъ все само по себѣ и не полезно, и не вредно, а подъ условіемъ разумности или безумія либо вредно, либо полезно. На этомъ

основаніи добродѣтель, признанная полезною, должна имѣть разумность.—Мнѣ такъ кажется.—„Но мы добродѣтель признали полезною?“—Конечно.—„А разумность признали добродѣтелию—всѣцѣлю. Если же такъ, то добрые—добры не отъ природы. Но когда добрые—добры не отъ природы, то, видно, отъ науки?“—Мнѣ кажется, что это признать необходимо. Да и изъ самаго предположенія слѣдуетъ, Сократъ, что, если добродѣтель есть знаніе, то она изучима“... (См. сочиненія Платона въ переводѣ Карпова ч. 2. стр. 187—191).

§ 12. Къ сожалѣнію, мы должны въ отношеніи этого основнаго принципа философіи Сократа всецѣло разойтись со взглядомъ Грота, котораго во многомъ считаемъ нашимъ лучшимъ руководителемъ въ изученіи Сократа. Гротъ съ свойственною ему многосложною аргументаціей усиливается доказать, что Сократъ, логически соединяя знаніе и добродѣтель, какъ причину и слѣдствіе, ставя образованіе нравственнаго характера въ полную зависимость отъ знанія законовъ, средствъ и конечныхъ цѣлей человѣческой жизни, представляетъ одностороннюю теорію нравственности, опуская изъ виду то, что не менѣе существенно въ добродѣтели, именно: свойство душевныхъ расположеній, мотивы чисто психическіе, желаніе и т. п. Противъ такого упрека въ односторонности достаточно было бы привести положительное свидѣтельство Ксенофонта ¹⁾, что Сократъ считалъ добродѣтель частію предметомъ теоретическаго знанія, частію предметомъ естественнаго расположенія каждаго лица. Но, сознавая логическое затрудненіе въ согласованіи этого мнѣнія съ тѣмъ отождествленіемъ добродѣтели съ знаніемъ или мудростію, которое составляетъ основную идею философіи Сократа, мы полагаемъ, что взглядъ Сократа на этотъ великій предметъ науки о человѣческой жизни былъ гораздо глубже и научнѣе мнѣній объ этомъ его перваго біографа (Ксенофонта) и современнаго историка-критика (Грота).

Сократъ говорилъ:

1) Memorab. I, 2, 19. Но что Сократъ самъ полагалъ добродѣтель въ знаніи, въ наукѣ, это само собою вытекаетъ изъ сличенія всѣхъ свидѣтельствъ Ксенофонта, Платона и Аристотеля, какъ единственно компетентныхъ источниковъ. См. Ксенофонта Memorab. III, 9, 6. Платон. op. 335 и др. Arist. EtHic. I End. 1, 5. Ethic. Nic. VI, 13, 3. Zell. III, 8, 6.

„Самый худшій изъ вѣхъ родовъ порока тотъ, когда чело-
вѣкъ воображаетъ, что онъ знаетъ то, что на самомъ дѣлѣ не
знаетъ; на примѣръ, когда онъ, намѣреваясь высказать какую-либо
истину, то скажетъ одно, то другое, или, складывая одни и тѣ же
арифметическія числа, одинъ разъ получить большую, а въ дру-
гой—меньшую сумму. Тотъ, кто знаетъ правописание, или ариеме-
тику, можетъ, конечно, и съ намѣреніемъ написать не правильно,
или сложить невѣрно: но онъ за то можетъ и вѣрно сдѣлать это,
если захочетъ; тогда какъ тотъ, кто не умѣетъ писать, или не
знаетъ арифметики, не можетъ сдѣлать этого, если бы и хотѣлъ.
Такъ и тотъ, кто знаетъ, что справедливо, что достойно почита-
нія, что хорошо, но дѣлаетъ напротивъ, *гораздо ближе къ тому,²⁾*
чтобы сдѣлаться справедливымъ, чѣмъ тотъ, кто не знаетъ, что
такое справедливыя поступки и не можетъ ихъ отличить отъ не-
справедливыхъ, потому что этотъ послѣдній не можетъ сдѣлаться
справедливымъ, если бы и сильно желалъ этого ²⁾).

Эти послѣднія выраженія какъ нельзя болѣе ясно выражаютъ
основное начало Сократовой идеологии, что знаніе добродѣтели имѣетъ
стремленіе, способность производить добродѣтель, а не то, что оно
есть добродѣтель. Науки вообще не утверждаютъ, что нѣчто слу-
чится непременно, а только предполагаютъ, что такое или иное
будетъ дѣйствіе данной причины, если она будетъ дѣйствовать
безъ помѣхи. Наука утверждаетъ, что тѣлесная сила можетъ со-
дѣйствовать челоуѣку быть мужественнымъ, но она не говоритъ,
что она всегда *слабѣетъ* его такимъ; опытность стремится дать
челоуѣку мудрость, но далеко не всегда ее даетъ. Знаніе того,
что справедливо, возбуждаетъ въ челоуѣкѣ стремленіе сдѣлаться
справедливымъ, но еще не всегда и не всякаго дѣлаетъ такимъ.
Если обстоятельства—психическія и вѣншія—какого-либо лица
находятся въ значительной степени въ его власти, то онъ, помо-
щью знанія средствъ, имѣющихъ свойства производить данное дѣй-
ствіе, или благоприятствующихъ цѣли, можетъ распорядиться этими
обстоятельствами такъ, чтобъ они *гораздо болѣе* способствовали
достиженію цѣли, чѣмъ какъ они сдѣлали бы это сами по себѣ.

Эти положенія суть простыя перифразы, точно обнимающія, какъ мы

²⁾ Ксеноф. Мемораб. IV, 2, 14 и слѣд. Сравни Платонъ въ Гиппіѣ младшемъ въ переводѣ Карпова, ч. 1, стр. 336 и слѣд.

полагаемъ, сущность Сократовской идеи о нераздѣльности знанія и добродѣтели, науки и искусства жизни.

Отношеніе, въ которомъ правила всякаго искусства стоятъ къ ученіямъ соотвѣтствующей науки, прекрасно опредѣлилъ Джонъ Стюартъ Милль въ своей „Логикѣ“, и мы считаемъ полезнымъ для выясненія нашего вопроса привести его дословно:

„Искусство предлагаетъ себѣ цѣль, опредѣляетъ ее и передаетъ наукѣ. Наука принимаетъ ее, разсматриваетъ какъ явленіе и дѣйствіе, которое нужно изучить, и изслѣдовавши ея причины и условія, возвращаетъ ее назадъ искусству, вмѣстѣ съ теоріей того сочетанія обстоятельствъ, которымъ она можетъ быть достигнута. Тогда искусство разсматриваетъ это сочетаніе обстоятельствъ, и смотря по тому, находятся ли они или нѣтъ въ человѣческой власти, рѣшаетъ—достижима ли цѣль, или нѣтъ. Единственная послылка, которую даетъ искусство, есть первая большая послылка, утверждающая, что достиженіе данной цѣли желательно. Наука предлагаетъ искусству положеніе (полученное рядомъ индукцій или дедукцій), что исполненіемъ извѣстныхъ дѣйствій цѣль будетъ достигнута. Изъ этихъ посылокъ искусство заключаетъ, что исполненіе этихъ дѣйствій желательно, и находя ихъ выполнимыми, обращаетъ теорему въ правило или предписаніе... Итакъ, основанія всякаго правила искусства должны быть отыскиваемы въ теоремахъ науки. Искусство или какая-либо совокупность искусствъ состоитъ изъ правилъ вмѣстѣ съ тѣми умозрительными предложеніями, которыя требуются для оправданія этихъ правилъ... Хотя разсужденія, связывающія цѣль или задачу каждаго искусства съ его средствами, принадлежатъ къ области науки; но опредѣленіе самой цѣли принадлежитъ исключительно искусству и образуетъ его особую область. Каждое искусство имѣетъ нѣкоторый принципъ, или общую большую послылку, получаемую не изъ науки,—посылку, которая выражаетъ имѣющуюся въ виду цѣль и утверждаетъ, что эта цѣль желательна. Строительное искусство признаетъ, что желательно имѣть зданія; архитектура (какъ одно изъ изящныхъ искусствъ), что желательно имѣть красивыя и величественныя зданія. Искусство гигиены и медицины признаютъ: первое,—что касается сохраненія здоровья, другое,—что относится къ излѣченію отъ болѣзни,—все это прекрасныя и желательныя цѣли“ 1).

1) „Сист. логики“ Милля, т. II, стр. 529, 533.

Эти положенія совершенно тождественны въ сущности съ основными идеями стараго философа Греціи о наукѣ и объ искусствѣ, задачи которыхъ—сдѣлать человѣка счастливымъ. Сократъ первый уразумѣлъ и выразилъ идею, что какъ въ каждомъ искусствѣ есть извѣстная, опредѣленная цѣль и необходима общая теорія, которая указываетъ частныя средства и условія къ достиженію этой цѣли, опредѣляетъ извѣстныя правила, выведенныя изъ общей теоріи и въ своей совокупности гармонически выражающія родъ и общій типъ искусства, — что то же самое необходимо по отношенію къ нравственно-разумной жизни человѣка. И здѣсь должна быть признана всеобъемлющая конечная цѣль, и здѣсь также необходима общая теорія, указывающая средства и условія, подъ которыми возможно наиболѣе вѣрное приближеніе къ этой послѣдней цѣли, — теорія, изъ которой бы возможно было вывести частныя правила, предписывающія человѣку такой типъ поведенія и характера, который болѣе всего содѣйствуетъ достиженію послѣдней цѣли жизни. Сократъ въ своихъ бесѣдахъ постоянно возбуждалъ въ умахъ своихъ собесѣдниковъ убѣжденіе, что человѣческая жизнь имѣетъ свои послѣднія цѣли, и заставлялъ переносить на эту жизнь такой же сознательный анализъ и теорію, какъ анализъ науки, и такіе же рациональные приемы, какъ приемы искусства. Проводя рѣзкое различіе между правилами практическими, выведенными изъ теоретическаго изслѣдованія послѣднихъ принциповъ телеологіи, и чуждымъ разумнаго пониманія умѣньемъ, которое добывается безотчетнымъ процессомъ перениманья, Сократъ постоянно и съ необыкновеннымъ разнообразіемъ перекрестныхъ вопросовъ настаиваетъ на идеѣ „науки изучать существо человѣка“ и „искусства вести себя, чтобы сдѣлать человѣка счастливымъ“²⁾.

Теперь, кажется, очевидно, что Сократъ въ своей философско-педагогической дѣятельности сознательно стремился къ обоснованію науки, основанной на изученіи законовъ существа человѣка, науки о законахъ образованія человеческого характера—иологіи, и соотвѣтствующаго ей искусства жизни,—искусства вести себя спра-

²⁾ См. Alcib. I. Euthyd. Сл. переводъ Карпова, ч. 2, 437 и слѣд. Ч. 1, стр. 192 и слѣд. 195.

ведливо, благоразумно (цѣлесообразно) и благородно. Его философское міровоззрѣніе указываетъ ясно на связь законовъ человѣческаго существа, изучаемыхъ наукою, и общихъ началъ ученія о конечной цѣли (телеологіи) человѣческой жизни, что Кантъ съ своей точки зрѣнія называлъ „правилами практическаго разума“.

§ 13. Указывая постоянно логическую связь морали, какъ искусства жизни, съ наукою, Сократъ съ особенною силой указывалъ и опирался на телеологическій принципъ или конечныя цѣли человѣческой жизни. Онъ формулировалъ эту цѣль разъ навсегда въ неизмѣнныхъ выраженіяхъ и приводилъ предъ слушателями одинаково постоянно, какъ догматъ, положеніе, что „счастіе или благо cadaго связано съ счастіемъ челоѣчества“. Необходимость частаго повторенія этого закона жизни и постоянное обращеніе къ нему обусловливалась самымъ свойствомъ предмета его ученія. Самое выработанное и основательное изложеніе законовъ умственныхъ и нравственныхъ явленій и ихъ отношеній между собою, какъ причинъ и дѣйствій, не будетъ имѣть никакой пользы для искусства жизни, если цѣли, къ которымъ должно стремиться это искусство, будутъ предоставлены неопредѣленнымъ внушеніямъ *intellectus sibi permissi*. Долженъ быть нѣкоторый масштабъ, которымъ можно бы опредѣлять абсолютную и сравнительную доброкачественность или злокачественность цѣлей и предметовъ желанія. Этотъ масштабъ можетъ и долженъ быть лишь одинъ: если бы было нѣсколько принциповъ практики, то одинъ и тотъ же поступокъ могъ бы одобряемъ однимъ изъ этихъ принциповъ и осуждаемъ другимъ. Вотъ почему Сократъ, какъ неологъ, сознавалъ необходимость не только сводить всѣ правила искусства жизни и всѣ понятія о справедливомъ и проч. къ послѣднимъ цѣлямъ, но и разсматривалъ ихъ по отношенію къ одной конечной и общей цѣли жизни—къ благу и счастію челоѣческому.

Въ большей части разговоровъ Платона, но особенно въ „Эвтидемѣ“ Сократъ настойчиво и нѣсколько разъ въ одномъ эпизодѣ разговора, съ преднамѣренною педагогическою цѣлію (въ бесѣдѣ съ маленькимъ сыномъ Аксіоха Клиніемъ, направленной противъ софистическихъ словоизвитій Эвтидема и Діонисіодора) выражаетъ

мысль, что счастье и благо человеческое есть конечная цѣль жизни; итакъ, способствованіе счастью есть послѣдній принципъ телеологіи, какъ искусства жизни, которое Сократъ называетъ *искусствомъ дѣлаться добрымъ*, и задача науки, соответствующей этому искусству, по буквальному выраженію Сократа, *содѣлать человека счастливымъ и добрымъ, путемъ знанія, съ помощію котораго мы могли бы хорошо и счастливо провести свою жизнь*.

Въ приведенномъ уже нами выше отрывкѣ изъ Алкивіада первого, мы видѣли, что Сократъ отыскалъ это великое знаніе и превосходно раскрылъ, въ чемъ состоитъ оно. Это наука—о существѣ человеческомъ, наука познанія самого себя, состоящая въ знаніи души, это психологія, какъ основа теологіи, соответствующей искусству заботиться о себѣ, воспитывать себя, чтобы хорошо и счастливо вести свою жизнь“.

§ 14. Въ этомъ пунктѣ Сократово ученіе встрѣчало неоднократно великій и невѣжественный упрекъ, будто бы онъ проповѣдуетъ эвдемонизмъ, или эгоистическую теорію счастья. Какъ будто Сократъ считалъ эгоистическое счастье первымъ двигателемъ нравственности, какъ будто онъ когда-либо изъ философіи добродѣтели дѣлалъ приспособленіе ко всякимъ случайнымъ обстоятельствамъ. Главную черту его наставленій составляли совершенно противоположныя качества. Онъ постоянно въмѣ и каждому ставилъ въ обязанность ограничивать свои личныя потребности, осторожно отдаваться наслажденіямъ, стремиться къ тѣмъ высшимъ наслажденіямъ, которыя происходятъ отъ сознанія и исполненія нравственнаго долга и чувства внутренняго совершенствованія. Внимательность къ внутреннему состоянію духа, чтобы держать его въ должномъ равновѣсіи съ вліяніемъ внѣшнихъ обстоятельствъ, заботливость о томъ, чтобы послѣднія всегда зависѣли отъ перваго, то-есть, душевнаго состоянія по отношенію къ чувству счастья, или сознанію того, какъ мало нужно внѣшняго благополучія, если внутренній человекъ совершенъ, развить, какъ слѣдуетъ,—таковы главные элементы и существенныя черты того идеала человеческого счастья, который Сократъ считалъ цѣлью человеческой жизни и принципомъ морали, съ которыми должны согласоваться всѣ практическія правила и изъ котораго они могли быть выведены, какъ слѣдствія.

Въ эпизодической бесѣдѣ съ Калликломъ въ „Горгіѣ“ Сократъ превосходно развиваетъ свой взглядъ на этотъ предметъ, какъ съ отрицательной стороны, при чемъ рѣчь его, по обычаю, проникнута благодушною ироніей, такъ и въ положительной формѣ, когда слова его достигаютъ высокаго паѣсса и непоколебимой силы убѣжденія.

Сокр. „Я говорю, что каждый долженъ начальствовать надъ собою“. *Кал.* Что ты говоришь: начальствовать надъ собою?— „Ничего хитраго; я говорю, какъ обыкновенно говорятъ: быть разсудительнымъ, удерживать самого себя, начальствовать надъ своими страстями и пожеланіями“.—Да какъ же быть счастливымъ человѣку, который чему-нибудь рабствуетъ? *Теперь говорю тебѣ смѣло:* по природѣ то и прекрасно, то и справедливо, что желающій жить надлежащимъ образомъ собственныя пожеланія оставляетъ во всей силѣ и не обуздываетъ ихъ, но сколько бы велики они ни были, удовлетворяетъ имъ посредствомъ мужества и благоразумія и осуществляетъ все, чего бы ни захотѣлось... По существу-то истины должно быть такъ: роскошь, невоздержаніе и свобода—вотъ добродѣтель и счастье, а всѣ прочія раскрашенныя представленія, всѣ эти противныя природѣ сплетенія—ничего не стоящая чело-вѣческая болтовня.—„О, да ты свою рѣчь, Калликль, развиваешь довольно отважно... Прошу же тебя отнюдь не спускаться, чтобы въ самомъ дѣлѣ обнаружилось, какъ надобно жить... Слѣдовательно, люди, ничего не требующіе, несправедливо называются счастливыми?... Однакожь и такая жизнь, какую ты разумѣешь, весьма бѣдственна. Въ этомъ случаѣ я не удивляюсь, что слѣдующіе стихи Эврипида заключаютъ въ себѣ истину: „кто знаетъ: жизнь ли есть ли смерть, а смерть не есть ли жизнь?“ Можетъ быть мы и въ самомъ дѣлѣ умерли, что я уже и слышалъ отъ одного мудреца, по словамъ котораго мы теперь мертвы и тѣло наше гробъ, а часть души, заключающая въ себѣ пожеланіе, какъ нѣчто измѣняющееся въ своихъ желаніяхъ, по ея ненасытности, подобна дыравой бочкѣ... Въ адѣ эти ненасытныя должны быть весьма несчастны: они въ дыравую бочку носятъ воду другою дыравою вещью—рѣшетомъ. Подъ словомъ же „рѣшето“ мой собесѣдникъ разумѣлъ душу людей несмысленныхъ, какъ бы дыравую, такъ какъ она, страдая непостоянствомъ, не можетъ быть закупорена. Все это, конечно, странновато, однакожь ясно открываетъ, что хотѣлъ бы я доказать тебѣ, если бы могъ убѣдить тебя вмѣсто жизни ненасытной и

невоздержной избрать жизнь благонравную и всегда довольную. „Но, Сократъ, жизнь пріятная, та, въ которой совершалось бы наиболѣе притоковъ. Необходимо, чтобы при множествѣ втеченій много и уходило, жить—значить имѣть всѣ вообще пожеланія, и бывъ въ состояніи удовлетворять ихъ, радоваться.—„Прекрасно, добрякъ, продолжай, какъ началъ, только бы не стыдиться. Впрочемъ, и я, какъ видно, стыдиться не долженъ. Впервыхъ, скажи мнѣ: быть въ чесоткѣ, чувствовать зудъ, имѣть возможность чесаться сколько угодно и проводить жизнь въ чесаніи себя—значить-ли жить счастливо?.. Смотри, Калликль, что будешь ты отвѣчать, если кто-либо вздумаетъ тебя спрашивать по порядку о всемъ, что находится въ связи съ этимъ? Вѣдь отсюда главное слѣдствіе то, что эта жизнь грязныхъ развратниковъ и не ужасна, и не постыдна, и не жалка. Но осмѣлишься-ли назвать ихъ счастливыми, если у нихъ много того, что имъ требуется?“—„Не стыдно ли тебѣ, Сократъ, наклонять разговоръ къ такимъ предметамъ!—„Да развѣ я направляю его, къ этому, благородный Калликль, а не тотъ, кто утверждаетъ, что люди радующіеся, суть люди счастливые,—не ограничивая, какія удовольствія хороши и какія вредны? Что же? Пріятное и доброе—одно ли и то же, или между удовольствіями бываютъ и такія, которыхъ нельзя назвать добромъ?“...

Послѣ слѣдующаго за этимъ чрезвычайно тонкаго анализа, что удовольствіе и добро не одно и то же,—анализа, доведшаго собеседника до полного абсурда, до необходимости замолчать и представить окончить бесѣду одному Сократу, послѣдній продолжалъ:

„Я поведу рѣчь съ начала. Такъ пріятное и доброе одно ли и то же?“—„Не одно и то же, какъ согласились мы.—„Пріятное ли надобно дѣлать для добраго, или доброе для пріятнаго?“—„Пріятное для добраго.—„Но пріятное есть то, отъ присутствія чего мы чувствуемъ удовольствіе, а доброе то, отъ присутствія чего мы добры?“—„Конечно.—„Добры же мы, когда имѣемъ какую-нибудь добродѣтель? А доброта каждой вещи—и сосуда, и тѣла, и души—имѣется въ ней не какъ нѣчто прекрасное безъ пути, но обнаруживается порядкомъ, правильностію и искусствомъ, что сообщается имъ. Не такъ ли?“—„Я полагаю.—„Слѣдовательно, добродѣтель cadaго есть нѣчто приведенное въ порядокъ и благоустройство? Стало быть, каждое существо дѣлается добрымъ

отъ свойственнаго ему и присущаго ему благоустройства?» —
 Мнѣ кажется. — «И душа, имѣющая свое благоустройство, лучше
 неблагоустроенной? Но, имѣя благоустройство — она разсудительна?» —
 Совершенно необходимо. — «Слѣдовательно, душа разсудительная
 добра?» — Противъ этого я ничто не могу сказать.
 — «Если же душа разсудительная добра, то по своимъ качествамъ
 противная разсудительной — зла, а такую не была ли у насъ душа
 бессмысленная и необузданная?» — Конечно. — «Но разсудительный въ
 отношеніи къ Богу и людямъ дѣлаетъ, что нужно?» — Это необходимо
 такъ. — «Дѣлающій же, что нужно въ отношеніи къ людямъ,
 дѣлаетъ справедливое, а въ отношеніи къ Богу — благочестивое. А кто
 дѣлаетъ справедливое и благочестивое, тотъ необходимо справедливъ и
 благочестивъ. Стало быть, необходимо и мужественъ, такъ что
 разсудительный, какъ мы раскрыли, если онъ человѣкъ справедливый,
 мужественный и благочестивый, необходимо есть человѣкъ совершенно
 добрый; а добрый — что ни дѣлаетъ онъ, дѣлаетъ хорошо и
 прекрасно; дѣлающему же хорошо и прекрасно естественно наслаждаться
 блаженствомъ и счастьемъ, равно какъ дѣлающему дурно — быть
 несчастнымъ». — Я именно такъ полагаю и говорю, что это справедливо.
 — «Если же справедливо, то желающій быть счастливымъ,
 очевидно, долженъ преуспѣвать и подвигаться въ разсудительности,
 то-есть, чтобы стремящійся къ блаженству не разлучался съ
 справедливостію и разсудительностію, вообще не позволялъ себѣ
 необузданныхъ пожеланій и жизни разбойнической, старающейся
 удовлетворить имъ — этому ненавистному злу. Вѣдь такой человѣкъ
 непріятенъ ни другому человѣку, ни Богу, потому что онъ неспособенъ
 къ общенію; мудрецы говорятъ, что общительность, дружба,
 благонравіе и справедливость сохраняются на небѣ и на землѣ, у
 боговъ и у людей, и что по этой причинѣ, другъ мой, міръ
 называется у нихъ благоустройствомъ (*κόσμος*), а не неустройствомъ.
 Такъ надобно либо опровергнуть это положеніе наше и доказать,
 что счастливые счастливы не отъ пріобрѣтенія справедливости и
 разсудительности; либо, когда оно справедливо, нѣсколько
 заняться разсмотрѣніемъ слѣдствій. Изъ этого, Калликль,
 слѣдуетъ все прежнее. Если же такъ, то посмотримъ,
 хорошо ли сказано тобою, или не хорошо, что я,
 подобно людямъ безчестнымъ, зависящимъ отъ прихоти
 человѣка, завишу отъ всякаго желающаго, кто бы ни

захотѣлъ—ударить ли меня по уху—таково было твое выраженіе, —отнять ли у меня деньги, выгнать ли меня изъ общества, или вовсе лишить жизни. Находишься въ такомъ состояніи, по твоимъ словамъ, дѣло самое постыдное, а я говорю противное, что уже многократно говорено было и что сказать не мѣшаетъ еще одинъ разъ. Я утверждаю, Калликъ, что быть несправедливо удареннымъ по уху и отдать подъ ножъ свое тѣло, или свой кошелекъ—вовсе не постыдно, но что гораздо постыднѣе и хуже—несправедливо бить и рѣзать какъ меня, такъ и мое, что для обидчика—украсть, за кабалить, подкопаться подъ стѣну и вообще нанести какую бы то ни было обиду мнѣ или моему—гораздо постыднѣе и хуже, чѣмъ для меня обижаемаго. Итакъ, что показалось намъ выше, говорю я, то держится и связано,—если можно употребить выраженіе нѣ сколько дикое,—железными и адамантовыми словами, такъ что пока эти слова не будутъ расторгнуты тобою, или кѣмъ-либо по мужественнѣе тебя, кажется, никому невозможно сказать хорошо, говоря иначе, чѣмъ я теперь говорю. У меня—всегда одна и та же рѣчь объ этомъ; не знаю, какъ это бываетъ, но когда я напалъ на мысль такую, какъ теперь, никто не можетъ утверждать иначе, не дѣлаясь смѣшнымъ. (Соч. Платона, переводъ Карпова, ч. 2, стр. 308—314, 334—338). „Итакъ, заключилъ свой разговоръ Сократъ, послушайся меня и иди этимъ путемъ. Понавъ на него, ты будешь блаженствовать и въ жизни, и по смерти. Пусть кто хочетъ, презираетъ тебя, какъ безумнаго, и издѣвается надъ тобою, а ты таки мужественно прими эту постыдную пощенину; потому что не потерпишь ничего страшнаго, если, подвизаясь въ добродѣтели, будешь прекрасенъ и добръ. Воспользуемся же, какъ бы словомъ руководительнымъ, вытекшимъ теперь заключеніемъ, что превосходнѣйшій образъ жизни—есть жить и умереть, подвизаясь въ справедливости и прочихъ добродѣтеляхъ...“.

Считаемъ полезнымъ для выясненія моральнаго идеала Сократа привести здѣсь еще аллегорическую картину „внутренняго человѣка“, которую начерталъ Сократъ, какъ передаетъ ее Платонъ въ своемъ „Государствѣ“, и которая была воспроизведена многими писателями, даже христіанскими, на примѣръ, Іоанномъ Златоустомъ *Homil. III, p. 20, ed. Mattaei*. Соч. Платона, пер. Карпова, ч. 3, стр. 473, примѣч. 1).

Вообрази одинъ образъ пестраго и многоглаваго звѣря, который имѣеть около себя головы звѣрей кроткихъ и дикихъ и можетъ измѣняться, рождать изъ себя ихъ всѣ. Пусть будетъ еще одинъ образъ льва и другой человѣка, и первый гораздо больше, чѣмъ послѣдній. Потомъ эти природы соедини въ одно, такъ, чтобъ онѣ срослись между собою. Облеки ихъ извнѣ образомъ человѣка, такъ чтобы не могущему видѣть внутреннее и смотрящему только на внѣшнюю оболочку представлялось одно животное — человѣкъ. Скажемъ теперь тому, кто говоритъ, что этому человѣку полезно быть несправедливымъ и не полезно совершать справедливое: не то ли онъ говоритъ, что полезно ему, откармливая пестраго звѣря, дѣлать его сильнымъ, равно и льва, человѣка же морить голодомъ и приводить въ безсиліе, чтобы тѣ влекли его, куда который ни поведетъ, и чтобъ онъ не сближалъ ихъ между собою, но предоставлялъ имъ кусаться и пожирать другъ друга. Напротивъ, кто утверждалъ бы, что полезно быть справедливымъ, не говорилъ ли бы, что надобно и говорить и дѣлать то, чрезъ что въ чловѣкѣ *внутренній чловѣкъ* становился бы воздержнѣе и имѣлъ бы попеченіе о многоглавомъ звѣрѣ, вѣркія части его питая и дѣлая ручными, а дикимъ препятствуя росту, — вообще заботясь о всѣхъ природахъ, и поставивъ ихъ въ содружество одну съ другою и къ себѣ? Похвальное и постыдное не потому ли мы такъ называемъ, что первое звѣрскую часть природы подчиняетъ части чловѣческой, а можетъ быть, и божественной, послѣднее же кроткую подчиняетъ дикой?.. Поэтому можетъ ли быть кому-нибудь польза — несправедливо взять золото, какъ скоро принимающій его наилучшую часть себя самого этимъ порабощаетъ части самой дурной? Не крайне ли жалокъ будетъ тотъ, кто божественное въ себѣ безъ милосердія поработитъ безбожнѣйшему и нечестивѣйшему? Не за то ли, издревле порицаемо было и своевоіе нравовъ, что оно въ чловѣкѣ болѣе надлежащаго развязывало то страшное, большое и многовидное животное? Не тогда ли равнымъ образомъ порицается дерзость и упорство, когда усиливаются въ немъ львиныя и змѣиныя свойства и напрягаются выше мѣры? Не въ этой ли его разбѣянности и распущенности подвергается порицанію роскошь и извѣженость, отъ которыхъ онъ дѣлается робкимъ? Не тогда ли бранять ласкательство и низость, когда кто это самое раздражительную природу подчиняетъ тому, безпокой-

ному звѣрю, и эта природа, увлекаемая ненасытною животныхъ вождѣленій, съ юности привыкаетъ, вмѣсто льва, рождать обезьяну? Посему, чтобы такой управлялся началомъ, подобнымъ тому, которымъ управляется человѣкъ наилучшій, не скажемъ ли, что онъ долженъ быть рабомъ того наилучшаго, носящаго въ себѣ власть божественную? И надобно думать, что это подчиненіе не ко вреду раба, а къ тому, чтобы подъ божественнымъ и разумнымъ управленіемъ сколько возможно лучше было жить всякому. Итакъ, почему, Главконъ, и на какомъ основаніи скажемъ мы, что дѣлать несправедливо, и своевольничать или совершать постыдное—полезно, если человѣкъ чрезъ это будетъ охуже, хотя бы онъ приобрѣлъ множество денегъ и силы другого рода?—Поэтому, какого есть умъ, тотъ не будетъ ли жить, направляя всѣ свои силы къ тому, чтобы прежде всего уважать науки, и которыя дѣлаютъ душу его такою, а прочее презирать? Потому, и состояніе и питаніе тѣла никакъ не ввѣрять онъ звѣриному удовольствію, чтобы въ немъ проводить жизнь; напротивъ, оставить въ сторонѣ и здоровье, и то, какъ быть сильнымъ и красивымъ, если это не дѣлаетъ его благоразумнымъ, но всегда будетъ устроить гармонію въ тѣлѣ для созвучія душѣ, если только по истинѣ хочетъ достигнуть гармоніи. Не будетъ ли онъ искать сообразности и созвучія въ самомъ стяжаніи денегъ и, не ослѣпляясь мнѣніями толпы о счастіи, станетъ ли увеличивать свое время множествомъ ихъ?—Не думаю.—„Да, смотря на внутреннее свое управленіе, онъ будетъ распорядиться умноженіемъ и уменьшеніемъ своего имѣнія съ возможною осторожностію, чтобы избытокъ или недостатокъ его не произвелъ какого-нибудь замѣшательства тамъ—внутри. Смотри съ той же точки зрѣнія и на самыя почести, одѣ изъ нихъ приметъ, если найдетъ, что онѣ дѣлаютъ его лучшимъ, а такихъ, которыя должны разстроить внутреннее его состояніе, будетъ избѣгать частно и публично... Этотъ образецъ (идеаль), заключаетъ многозначительно. Сократъ свой разговоръ съ Главкономъ, если желаешь видѣть его и по этому видѣнію благоустроить себя, находится, можетъ быть на небѣ“. (Соч. Платона, переводъ Карпова ч. 3, стр. 474—478).

Въ такомъ смыслѣ понимаемый (а въ иномъ смыслѣ нельзя понимать) Сократовскій послѣдній принципъ телеологіи, способствованіе благу человечества,—имѣя въ своей основѣ гуманность,

въ самомъ идеальномъ смыслѣ (какъ *понятіе дома и чувство человеческого достоинства*) представляетъ самую возвышенную идею нравственности, которая только доступна была силѣ древней языческой мысли и есть, такъ-сказать, послѣдній шагъ естественнаго человѣческаго разумнiя, уже стоящаго въ преддверіи христіанскаго откровенiя, которое утверждаетъ и освѣщаетъ человѣческое сознаніе нравственнаго долга и чувство человѣческаго достоинства закономъ христіанской любви къ Божеству и человѣчеству въ любви Бога-человѣка, давшаго намъ дѣйствительный, высочайшій и совершеннѣйшій первообразъ, *„да любимъ другъ друга“*.

§ 15. „Сократъ свелъ философію съ неба на землю“ говоритъ Цицеронъ. Слѣдуя практической человѣческой точкѣ зрѣнiя, Сократъ желалъ ограничиться явленіями, относящимися къ нравственной человѣческой жизни, какъ самымъ необходимымъ предметомъ для науки и искусства вести себя: эти предметы самое Божество, говоритъ Сократъ, указало, какъ вполне достойный предметъ для человѣческаго изученiя; ибо въ этой области оно расположило явленiя въ непрерывномъ порядкѣ, по законамъ причинъ и слѣдствій, такъ что каждый, кто захочетъ, можетъ знать ихъ. Но и въ этихъ предметахъ самое тщательное изученіе само по себѣ недостаточно, потому что Божество ненисходитъ до того, чтобы подчинить всѣ явленiя непрерывному ряду причинъ и слѣдствій; но для своихъ особенныхъ цѣлей удерживаетъ за собою самое главное въ порядкѣ явленій естественныхъ. Однако же, если человѣкъ узнаетъ все то, что ему дано узнать, и если кромѣ того, онъ усерденъ къ благочестивой набожности и молится объ особенномъ наученіи своемъ, Божество такъ милостиво, что сообщаетъ ему планы свои и цѣли относительно непостижимой стороны жизни. Искать доступна къ такимъ знакамъ божественнаго милосердія есть необходимое дѣло, приличное для каждаго, когда онъ самъ по себѣ узналъ столько, сколько въ состоянiи сдѣлать тщательное, собственное изученіе предмета. Было бы сумасшествіемъ, если бы человѣкъ сталъ просить у Бога особеннаго откровенiя касательно тѣхъ предметовъ, которые человѣкъ можетъ узнать собственнымъ изученіемъ; точно также было бы сумасшествіемъ, если бы онъ, отрицая Божество, сталъ бы пытаться изслѣдовать собственнымъ изученіемъ то, что Оно благоволило удержать за Собою, и если бы онъ во всѣхъ

своихъ предпріятіяхъ полагался на одно человѣческое благоразуміе... „Необходимо ждать“, говорить Сократъ у Платона „пока кто научить, какъ должно вести себя въ отношеніи къ Богу и къ людямъ“ 1)

Въ этихъ прогнѣхъ, по возвышенныхъ положеніяхъ впервые высказанъ былъ Сократомъ другой принципъ, весьма важный, и вообще, какъ единственно-истинная точка зрѣнія въ области человѣческаго вѣдѣнія, но особенно по отношенію къ тому предмету, который Сократъ первый ввелъ въ науку. Сократъ первый намѣтилъ эту точку зрѣнія раздѣляя человѣческое знаніе на двѣ части, изъ которыхъ одна входитъ въ поле собственнаго человѣческаго умственнаго кругозора, а другая лежитъ за его горизонтомъ; одна, доступная человѣческому изслѣдованію, а другая, покрытая непроницаемою завѣсой, предметъ вѣры и откровенія; одна, изучающая основные законы доступныхъ намъ обыкновенныхъ явленій, непрерывно другъ за другомъ слѣдующихъ, другая касающаяся не открываемой сущности, идей, какъ говорилъ Платонъ, создавшій теорію идей, „вещей въ себѣ“, какъ учить новая философія, начиная съ Канта. Есть предметы человѣческіе, говорилъ Сократъ, которые каждый, кто только хочетъ знать, можетъ знать, и есть предметы божественные, которые лежатъ за предѣлами человѣческаго изслѣдованія. Этотъ первый шагъ мысли, попытка провести черту между тѣмъ, что доступно наукѣ и что недоступно, высказывали убѣжденіе Сократа въ томъ, что есть точка зрѣнія собственно научная и есть религіозная, что тамъ, гдѣ окончивается первая, должна начинаться послѣдняя. Этотъ великій принципъ необходимъ по своимъ результатамъ и въ наше время по отношенію къ тому предмету, который Сократъ первый подвергъ изслѣдованію.

1) Мемораб. Ксенофонта, 1, 3 и въ другихъ мѣстахъ. Вотъ это многозначительное мѣсто: „Сокр. Необходимо ждать, пока кто не научить, какъ должно вести себя въ отношеніи къ Богу и къ людямъ“. — „Алк. Когда же наступитъ это время, Сократъ, и кто будетъ наставникомъ?“ — „Это—Тотъ, который печется о тебѣ! Но мнѣ кажется, что какъ, по сказанію Омира, Аѣнна прогнала мракъ отъ очей Діоміда, чтобъ онъ хорошо могъ различать и Бога, и человѣка, такъ и у тебя сперва надобно прогнать мракъ отъ души, которымъ она покрыта...“ — „Пусть прогонитъ—я готовъ, и никакъ не убою отъ его повелѣній, кто бы ни былъ тотъ человѣкъ...“ Тотъ и выраженіе этой бесѣды оутверительно возбуждаютъ мысль къ чаянію Учителя божественнаго, чувство потребности въ высшей помощи, въ откровеніи свыше. См. Алк. II, пер. Карпова, ч. 2, ст. 480, 484.

Эта религиозная точка зрѣнія, убѣжденіе въ необходимости вѣры и откровения для полноты знанія, вытекала у Сократа не изъ случайнаго личнаго настроенія, но проникаетъ въ умозрѣнія этого чловѣка и составляетъ логическій выводъ всего его философскаго міросозерцанія, служа такимъ образомъ основою того религиознаго характера, которымъ отличался Сократъ. Уже до-Сократовская философія вытѣснила грубый антроморфизмъ Гомеровской религіи. Но она впала въ другую крайность, представляя Божество, какъ вѣчно неподвижное бытіе, холодный умъ, безъ всякаго живаго отношенія къ чловѣку. Богъ Сократовскій уже не есть баснословный Зевесъ, подверженный всѣмъ страстямъ чловѣческимъ; но онъ не живетъ совершенно отдѣленнымъ отъ чловѣка, онъ есть его творецъ и идеаль, живущій или присущій душѣ. Пуманизмъ Сократовскій также не есть гордая апофеоза чловѣчности; если онъ называетъ ее божественною, то во имя высшаго начала, которое есть въ ней ¹⁾. Во имя этого божественнаго начала — самое важное для чловѣка знаніе — *самопознаніе*, углубленіе внутрь души. Вотъ почему принципъ истинной философіи формулированъ въ священномъ изреченіи „познай самого себя“ ²⁾. Въ самопознаніи чловѣкъ познаетъ истинное благо, ибо оно открыто въ вѣчныхъ законахъ души и совѣсти. ³⁾. Истина и благо — одно и то же. Знаніе и добродѣтель — нераздѣльны, потому что главный предметъ знанія есть благо, а благо не можетъ быть понято сердцемъ невѣжественнымъ ⁴⁾. Идея же благого есть религиозная идея божественнаго. Сократъ не раздѣлялъ морали отъ религіи; ибо, высочайшій образъ добра, блага должно искать въ Богѣ, который не только его намъ открываетъ, но и помогаетъ выполнять ⁵⁾. Понятно отсюда, что присущее душѣ нравственное начало жизни служило для Сократа глубочайшею основою для убѣжденія его въ безсмертіи души, о чемъ онъ бесѣдовалъ съ своими учениками въ предсмертныя минуты своей земной жизни. Съ другой стороны нравственный

1) Memorab. Xenoph. IV, 3, 14. См. сочиненія Платона въ переводѣ Карпова ч. 2, стр. 444—445. „То, чѣмъ познаемъ, есть нечто божественное, и кто познаетъ въ себѣ все божественное, тотъ-то особенно познаетъ и себя“. Также Алкивиадъ 1-й въ переводѣ Карпова, ч. 2, стр. 443.

2) Memorab., VI, 2, 24.

3) Ibid. VI, 2, 24.

4) Ibid., IV 4, 5. Σοφίαν δὲ καὶ σωφροσύνην οὐ διαφέρειν.

5) Memorab. VI, 421.

характеръ, который составляетъ задачу Сократовской философіи, привелъ его отъ божественнаго въ челоѣкъ къ божественному абсолютному, какъ въчному закону и образу челоѣческаго совершенства. Въ этомъ глубокомъ проникновеніи идеи моральной, научной и религіозной, которое составляетъ оригинальность и могущество идеально-благородной личности и философіи Сократа, онъ болѣе чѣмъ кто-либо, сдѣлалъ для разрушенія общаго политеистическаго заблужденія и разсѣялъ мрачное облако, чтобъ открыть челоѣчеству *свѣтъ, просвѣщающій всякаго челоѣка*.

Приведемъ изъ Ксенофонта одинъ разговоръ, въ которомъ нельзя безъ изумленія видѣть, какъ Сократъ предупредилъ даже позднѣйшихъ писателей по части естественнаго Богопознанія, указывая на бытіе единаго Бога и дѣйствія Его Провидѣнія о мірѣ и челоѣкѣ.

«Я разскажу, пишетъ Ксенофонтъ, какимъ образомъ Сократъ бесѣдовалъ однажды о божествѣ съ Аристодемомъ (малымъ). Замѣтивъ, что Аристодемъ никогда не молится, но напротивъ смѣется надъ тѣми, которые это дѣлаютъ, Сократъ спросилъ его: „Скажи мнѣ, Аристодемъ, есть ли люди, которыхъ достоинству ты бы удивлялся?“

— «Есть», отвѣчалъ Аристодемъ.

«Назови кого-нибудь, прошу тебя».

— «Я удивляюсь, сказалъ Аристодемъ, Гомеру въ эпосѣ, Софоклу въ трагедіи, Поликлету въ ваяніи, Зевксису въ живописи».

„Кто же кажется тебѣ болѣе достойнымъ удивленія: тѣ ли, которые создаютъ неподвижные и неразумные образы, или тѣ которые создаютъ живыя вещества, одаренныя не только дѣятельностью, но и пониманіемъ?“

— „Безъ сомнѣнія, послѣдніе, отвѣчалъ Аристодемъ, если только ихъ созданія—не дѣло случая, а мудрости и ума“.

„Но если есть много вещей, польза которыхъ очевидна, и есть другіе предметы, назначеніе которыхъ неизвѣстно, то скажи, Аристодемъ, какіе изъ этихъ предметовъ ты считаешь произведеніемъ мудрости, и которые произведеніемъ случая?“

— „Мнѣ кажется, что слѣдуетъ признать произведеніемъ мудрости тѣ, которыхъ польза и назначеніе очевидны“.

„Но не очевидно ли, что Тотъ, который создалъ въ началѣ людей, одарилъ ихъ для ихъ пользы чувственными органами: глазами, чтобъ они видѣли все видимое, ушами, чтобъ они слышали? Скажи, къ чему бы служили намъ запахи, если бы мы не имѣли ноздрей? Или къ чему служило бы различіе между вѣснымъ и невѣснымъ, если бы мы не имѣли во рту языка, способнаго различить вкусъ? Не полагаешь ли ты, Аристодемъ, что дѣло дивной предусмотрительности—снабдить нѣжные глаза человѣка вѣками, которыя вооружены рѣсницами, защищающими глаза отъ вѣтра и пыли, помѣстить надъ глазами брови въ видѣ трубъ, для отвода пота, льющагося со лба? Не изумительно ли, что ротъ, чрезъ который проходятъ всѣ яства, расположенъ вблизи глазъ и носа? Можешь ли ты сомнѣваться, Аристодемъ, чему мы обязаны этимъ предусмотрительнымъ расположеніемъ—случаю, или премудрости?“

— „Я болѣе не сомнѣваюсь, отвѣчалъ Аристодемъ; съ такой точки зрѣнія эти предметы кажутся мнѣ произведеніемъ какого-то великаго художника, благодѣющаго всему, что дышетъ“.

„Далѣе, Аристодемъ, не сознаешь ли ты въ себѣ присутствія разума, и можешь ли ты предположить, чтобы нигдѣ затѣмъ не было ничего разумнаго? Ты знаешь, что твое тѣло составлено изъ маленькой крупинки этой громадной земли, изъ дробной частицы стихій, въ такомъ изобилии находящихся во вселенной. И неужели ты думаешь, что одному тебѣ, какимъ-то счастливымъ случаемъ, досталась въ удѣлъ душа, не существующая нигдѣ, кромѣ тебя,—что всѣ эти безконечныя числомъ и величиною существа не разумомъ приведены въ такой стройный порядокъ?“

— „Безъ сомнѣнія, нѣтъ, отвѣчалъ Аристодемъ, но я не вижу этого создателя и правителя, между тѣмъ какъ вижу художниковъ, производящихъ вещи, которыя вырабатываются у насъ“.

„Подумай, Аристодемъ, что поражающее взоръ всѣхъ солнце не дозволяетъ любопытнымъ разглядывать его и отнимаетъ зрѣніе у дерзновенныхъ. Никто не видалъ вѣтровъ, но мы видимъ ихъ послѣдствія и чувствуемъ ихъ присутствіе. Не видишь ты также и своей души, Аристодемъ, которая управляетъ и руководитъ тѣломъ: неужели поэтому ты скажешь, что ты не дѣлаешь ничего умомъ, а только случаемъ? Подумай объ этомъ и научись не пренебрегать невидимыми силами; суди о ихъ могуществѣ по дѣйствіямъ и почитай Вожество“.

— „Я не презираю Божество, сказалъ Аристодемъ, напротивъ того я думаю, что оно слишкомъ высоко и не нуждается въ моемъ поклоненіи“.

«Чѣмъ выше Божество, пегущееся о тебѣ, тѣмъ болѣе его слѣдуетъ почитать».

— „Будь увѣренъ, сказалъ Аристодемъ, что если бы я могъ знать, что Божество занимается особенно людьми, то я бы ему поклонялся“.

„И ты можешь сомнѣваться, Аристодемъ, въ томъ, что Богъ заботится о людяхъ? Не онъ ли далъ одному человѣку изъ всѣхъ животныхъ способность держаться прямо, чтобы человѣкъ могъ лучше видѣть окружающее, созерцать лежащее выше его и избѣгать опасностей? Не одному ли человѣку даны руки, съ помощію которыхъ онъ можетъ производить множество полезныхъ вещей? Не одинъ ли человѣкъ способенъ языкомъ производить такіе звуки, которыми можетъ сообщать другимъ все, что хочетъ выразить? Какое животное, кромѣ человѣка, способно постигать существованіе Божества, создавшаго и поддерживающаго въ такомъ стройномъ порядкѣ этотъ прекрасный, дивный міръ? Какое животное, кромѣ человѣка, можетъ развивать посредствомъ разумнаго упражненія свои силы? Кто кромѣ человѣка, можетъ работать, чтобы приобрести знаніе, или запомнить видѣнное, слышанное, выученное? Получивъ такіе дары, ты еще не убѣжденъ, Аристодемъ, что Божество печется особенно о тебѣ? Что же ему нужно еще сдѣлать, чтобы ты призналъ его?“

— „Пускай оно пошлетъ мнѣ, сказалъ Аристодемъ, наставниковъ, которые бы учили меня, что я долженъ дѣлать, и чего избѣгать, подобно тому, какъ вижу, по твоимъ словамъ, они учили тебя?“

„Но когда оно посылаетъ Грекамъ и всѣмъ людямъ чудеса и предзнаменованія, думаешь ли ты, что ты одинъ изъяты и позабытъ?.. Подумай, мой другъ Аристодемъ, что душа, заключенная въ тѣлѣ, управляетъ имъ, какъ ей угодно. Слѣдовательно, и умъ, обитающій во вселенной, располагаетъ въ ней все также по своей волѣ. Если ты считаешь возможнымъ думать въ одно и то же время объ Афинахъ, Египтѣ, Сициліи, то отчего ты думаешь, мой Аристодемъ, что умъ Бога не могъ бы помышлять обо всемъ въ

одно и то же время? Оказывал услуги людямъ, ты узнаешь тѣхъ, которые расположены услужить тебѣ; разсуждая съ ними, ты узнаешь ихъ благоразуміе. Подобно тому, служа Божеству, ты узнаешь природу и величіе Божества, которое можетъ все видѣть, все слышать, быть вездѣ и пещись обо всемъ существующемъ (1).

Вотъ почему Сократъ, заслуживая съ точки зрѣнія древняго язычника-Грека смерть мученика, былъ, на взглядъ мыслителя христіанскаго, предтечею Христа въ язычествѣ. Истинные философы, поистинѣ выполняли великую миссію пророковъ человѣческой совѣсти въ нѣдрахъ язычества; она была пробуждена ихъ голосомъ, и это пробужденіе нравственнаго сознанія составило въ одно и то же время славу и гибель философіи; ибо совѣсть, разъ пробужденная, должна была отказаться отъ системъ, безсильныхъ осуществить нравственный идеаль, желаніе котораго они породили. Но погибнуть такъ и для такой цѣли—это великая слава для философіи. Такимъ образомъ, греческая философія, по прекрасному выраженію Климента Александрійскаго, была «пѣстуномъ для приведенія ко Христу 2) подобно закону Моисееву». Она есть истинный даръ Божій. Она также была тѣнью грядущихъ благъ; она заставляла предчувствовать и ожидать, не давая ихъ сама, и въ этомъ отношеніи самымъ наилучшимъ образомъ приготовляла пришествіе Того, Который долженъ былъ сдѣлаться чашиемъ языковъ, прежде чѣмъ явиться ихъ Спасителемъ.

Сократъ, какъ философъ-идеологъ, именно представляетъ тотъ нравственный законъ, который, по ученію Святаго учителя язычниковъ, будучи написанъ на скрижаляхъ сердца язычниковъ, имѣлъ значеніе, подобное закону Моисееву. Не смотря на несовершенство философіи вообще, сравнительно съ откровеніемъ, несовершенство, которое въ свою очередь послужило Христіанству, все, что Сократъ дѣлалъ и говорилъ для образованія идеальнаго благородства воли и нравственно-развитаго человѣческаго характера имѣло высокое педагогическое значеніе для приготовленія языческаго міра къ христіанству 3).

1) Memorabilia I, 4, также Memorab. 4, 3.

2) Clement Strom. I, 19 p. 371 VI, 5, p. 764; VI, 6, p. 762. VI, 17 p. 813. St. Laurent «Этюды по исторіи международнаго права». Т. IV. Christianisme.

3) Pressensé, Histoire de l'Église Chrétienne. T. 1, 140—145. Сл. Алкивиадъ второй Соч. Платона, ч. 2 стр. 480. Весьма у мѣста привести здѣсь нѣко-

«Познай самого себя» понятое въ Сократовскомъ смыслѣ ведетъ къ познанію Бога, въ челоѳчествѣ который есть Христосъ Бого-человѣкъ, первообразъ нравственнаго совершенства, съ которымъ должно сообразоваться въ своей основѣ воспитаніе каждой личности, какъ съ вѣчнымъ закономъ духовной жизни и всечелоѳческимъ типомъ нравственнаго совершенства, идеаломъ христіански-челоѳческаго характера.

(Продолженіе будетъ).

IV. Объявленіе Бр. МИЛЛЕРЪ.

Магазинъ масляныхъ скоро-засыхающихъ и сухихъ красокъ. Всѣ принадлежности для живописцевъ. Всѣхъ сортовъ кисти. Полотно для живописи. Мاستика для половъ. Сухія акварельныя краски. Лаки. Бронзы. Мазь для осей.

Магазинъ: Крещатику д. Мищенко.

Контора, магазинъ и фабрика: Жилинская ул. собств. домъ. 41.

Филиалъ подъ фирмою: И. К. Филлеръ на Падолѣ, Александровская площадь, въ Кіевѣ.

Цѣны масл. красокъ за пудъ безъ посуды (посуда отдельно считается).

Р. К.
Цинквейсъ бѣлый № 1-й пудъ 7 —
Цинквейсъ силезскъ. № 0 8 —

торые выдающіеся пункты Сократова ученія, чтобы показать согласіе ихъ съ основными принципами Христіанства. „Душа безсмертна: въ томъ то и есть мудрость, чтобы жить въ виду вѣчности, всего болѣе заботиться о душѣ и всего менѣе объ этой жизни, которая есть мгновеніе предъ лицемъ вѣчности. „Самыя прекрасныя моленія и жертвоприношенія угодны Богу менѣе, чѣмъ душа добродѣтельная, стремящаяся къ богоподобию. Истинно-праведныя только тѣ люди, которые своими дѣлами платятъ долгу, которымъ они должны людямъ и Богу. „Не надобно никогда воздавать обидою за обиду, ни дѣлать зла никому, какъ бы несправедливость ни была велика. „Какъ бы ни было велико различіе между людьми, одни не должны презирать другихъ“. Не приближается ли это ученіе къ закону любви, который учить прощать и любить нашихъ враговъ; къ принципу духовности, который требуетъ поклоненія Богу *духомъ и истиною* и пеищис о *душѣ*, которая дороже всего міра?... Выраженіе: „добродѣтель есть даръ Божій тѣмъ, которые имъ пользуются“ — намекаетъ на необходимость высшей Божественной силы, освящающей и возрождающей челоѳва при его разумномъ и дѣятельномъ самовоспитаніи.

	Р.	К.
Бѣлила № 1-й	7	—
„ „ 2-й	6	—
Мѣдianки франц. чист.	пудъ 23	—
Мѣдianки № 1-й	12	—
Мѣдianки грунтъ	6	—
Охра жел. франц. для половъ	5	50
Сѣрая № 1-й свѣтл. / для крышь	6	50
„ „ 1-й тем. / и стѣнъ.	6	50
Сурикъ свинц. / для крышь и желѣзн.	5	50
„ желѣзн. / часть.	5	50
Муми № 1-й	5	50
Бѣлая, желтая, сѣрая, красная	4	50
Краска для грунтовки	„	„
Масло бѣлое для бѣл. красокъ	8	—
Масло вареное	7	—
По требованію преисъ-курantzъ высылается бесплатно.	6—3	

Объявленіе о книгѣ:

„ОПЫТЪ ЕСТЕСТВЕННАГО БОГОСЛОВІЯ“,
(безъ предварительной цензуры).

Въ трехъ выпускахъ:

- 1) «Современное общество».
- 2) «Религія и современное знаніе».
- 3) «Естественная религія и Откровеніе».

Цѣна за всѣ двѣнадцать книгъ по четыре книги въ каждомъ выпускѣ 4 р., съ перес. 5 р.

Въ С.-Петербургѣ, въ центральномъ складѣ книгъ Товарищества «Общественная Польза», Большая Подъяческая, № 39, куда высылаются деньги и адреса.

Книги можно также получать; въ С.-Петербургѣ—у книгопродавца Тузова. Въ Москвѣ—у Щерапонтова и въ конторѣ А. С. Ушакова домъ Хлудова, близъ Биржи. Въ Кіевѣ—у Федорова и Оглоблина, на Крещатикѣ. Въ Харьковѣ—у Ив. Ив. Куколевскаго младшаго. — По 6 руб. за всѣ двѣнадцать книгъ.

При выпискѣ полного изданія т. е. 20 книгъ (первыя двѣ

вмѣстѣ) болѣе 4000 печ. стр. высылается 11 р. и 3 р. на пересылку, всего 14 р., за второй и третій по 5 руб.

Объявленіе о книгѣ:

Обозрѣніе церковно-гражданскихъ узаконеній по духовному вѣдомству, (примѣнительно къ уставу духовныхъ консисторій и своду законовъ, съ историческими примѣчаніями и приложеніями.)

Справочная книга, составилъ Я. Ивановскій. Цѣна 1 руб. 50 к., а съ пересылкою 1 руб. 75 к.

Получать можно; Въ С.-Петербургѣ, въ книжныхъ магазинахъ Глазунова и Тузова (по Большой Садовой ул., противъ Гостиного двора), Печаткина, Литейная улица, д. № 36 и въ Синодальныхъ книжныхъ лавкахъ въ С.-Петербургѣ и Москвѣ.

Тамъ же можно получать книгу: Краткій сводъ законоположеній, относящихся до церковныхъ старостъ Цѣна 60 к., съ пересылкою 70 коп.

Отъ совѣта общества любителей церковнаго цѣнія.

Вышла въ свѣтъ третья часть «Круга церковныхъ пѣснопѣній общаго наѣва Московской епархіи» заключающая въ себѣ пѣснопѣнія Св. Четырдесятницы и Страстной седмицы. Цѣна 1 руб. 50 коп., съ пересылкой 2 руб. Получать можно въ канцеляріи Общества, въ Богоявленскомъ монастырѣ, у книгопродавца Фералонтова, на Никольской улицѣ и у Мейкова, на Кузнецкомъ мосту. Тамъ же продаются первая и вторая части означеннаго изданія, стоящая 1-я часть «Всенощное бдѣніе» 1 руб., съ пересылкой 1 руб. 30 коп., 2-я часть «Ирмосы Господскихъ и Богородичныхъ праздниковъ съ тропарями» 1 руб. 50 коп., съ пересылкой 2 руб.

Редакторъ, Протоіерей **Н. МАРКОВЪ**.

Печ. дозв.: Цензоръ, Каеедральный Протоіерей *Григорій Діаконовъ*. 18 Мая 1884 года. Черниговъ. Губернская Типографія.